

IVAN POSOKHIN

SERGEJ DOVLATOV
A „RUSKÝ“ NEW YORK
Сергей Довлатов
и «русский» Нью-Йорк

© Ivan Posokhin

Sergej Dovlatov a „ruský“ New York

Granty: UK/289/2012, VEGA č. V-11-090-00

Bratislava, STIMUL, 2013

ISBN 978-80-8127-076-5

EAN 9788081270765

RECENZENTI:

Doc. PhDr. Valerij Kupko, CSc.

Mgr. Irina Dulebová, PhD.

Autor práce sústredil svoju pozornosť predovšetkým na Dovatovovo emigrantské obdobie (1978 – 1990), obdobie jeho života v New Yorku a jeho spisovateľskej a novinárskej činnosti v prostredí ruskej diaspóry v USA a na jeho postavenie v nej. Slovenská rusistika sa pomerne málo venuje problematike ruskej literárnej emigrácie. Preto treba prácu I. Posokhina vnímať ako hodnotný príspevok k rozpracovaniu tejto problematiky a zároveň ako užitočný učebný materiál pre študentov zaoberajúcich sa štúdiom ruskej literatúry.

Doc. PhDr. Valerij Kupko, CSc.

Содержание пособия помогает восприятию учащимися русской литературы XX века через установление и осмысление причинно-следственных связей, что, безусловно, развивает литературную компетенцию и способствует персонализации истории и литературы, а также поддержанию и упрочению интереса студента к предмету. Противоречивая личность и талантливое творчество Сергея Довлатова, одного из наиболее популярных и читаемых сегодня русских писателей XX века, без сомнения вызовет искренний интерес у читателя, а способ представления его книг, подробный, обстоятельный, но не исчерпывающий, читателя должен и заинтересовать, и мотивировать к их прочтению.

Mgr. Irina Dulebová, PhD.

POĎAKOVANIE

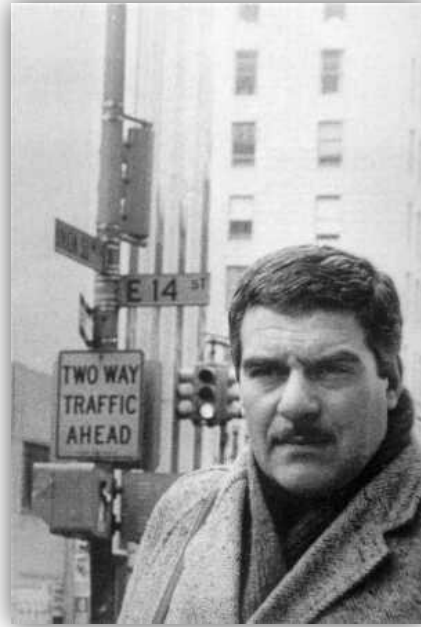
Ďakujem svojej školiteľke prof. PhDr. Márii Kusej, CSc. za cenné rady a vedecké usmernenie.

Оглавление

I. ТРИ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. КОГДА И ПОЧЕМУ?.....	- 6 -
II. «РУССКАЯ АМЕРИКА» И «РУССКИЙ НЬЮ-ЙОРК»	- 15 -
III. НА ГРЕБНЕ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ. ДОВЛАТОВ И ЕГО ЭМИГРАЦИЯ.....	- 22 -
IV. НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ДОВЛАТОВ, ДОВЛАТОВСКИЙ НЬЮ-ЙОРК.....	- 26 -
V. ПРОЗА	- 30 -
«Невидимая книга». Ann Arbor: Ardis, 1977.....	- 32 -
«Компромисс». New York: Серебряный век, 1981.....	- 35 -
«Зона. Записки надзирателя». Ann Arbor: Эрмитаж, 1982.....	- 42 -
«Заповедник». Ann Arbor: Эрмитаж, 1983.....	- 46 -
«Наши». Ann Arbor: Ardis, 1983.....	- 51 -
«Чемодан». Tenafly: Эрмитаж, 1986.	- 54 -
«Иностранка». New York: Russica Publishers, 1986.....	- 57 -
«Филиал». Ленинград: Звезда, № 10, 1989.....	- 60 -
VI. ДОВЛАТОВ-ЖУРНАЛИСТ	- 63 -
VII. АМЕРИКАНСКИЕ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ.....	- 67 -
VIII. ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ	- 76 -
NAMÍESTO EPILÓGU	- 79 -
ИСТОЧНИКИ.....	- 91 -
ЛИТЕРАТУРА	- 92 -

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И «РУССКИЙ» НЬЮ-ЙОРК

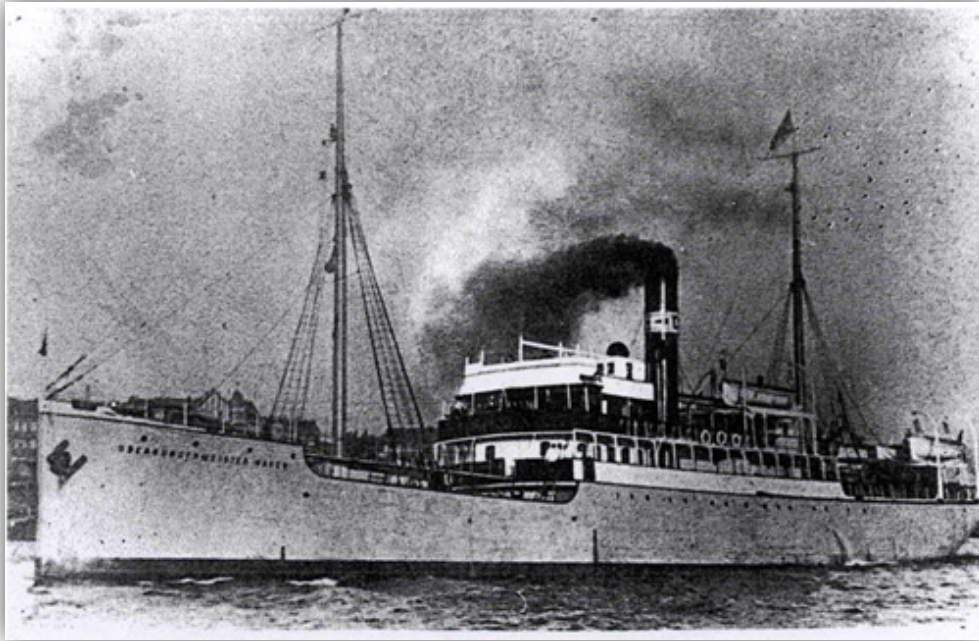
Сергей Довлатов на одной из улиц Нью-Йорка. Фото Нины Аловерт.¹

В данном пособии мы предприняли попытку представить общую картину развития русской литературы в эмиграции в ее связи с Соединенными Штатами Америки в целом и Нью-Йорком в частности. Основное внимание уделяется так называемой Третьей волне русской эмиграции, пришедшейся на 1970-1980-е годы, причем главным ориентиром и центральным объектом в этом исследовании стали жизнь и творчество писателя-прозаика Сергея Довлатова. Работа также представит обзор деятельности эмигрантских организаций, объединений, издательств, средств массовой информации, появившихся или продолжавших действовать на территории США в 70-80-е гг. прошлого века, а также информацию о некоторых значимых представителях эмигрантской культурной среды Нью-Йорка, так или иначе связанных с творческой и личной судьбой Сергея Довлатова. Данное учебное пособие может стать полезным дополнением к курсу «Русская литература второй половины XX века», а также может представлять интерес для широкой публики, увлекающейся русской культурой и литературой.

---

¹ Фото Нины Аловерт. <http://www.sergeidovlatov.com/img/photo94.jpg>

I. ТРИ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. КОГДА И ПОЧЕМУ?

Пароход «Обербургомистр Хакен», известный также как «Философский пароход». 1922 г.¹

СССР как страна был огромным и, в общем, уникальным социальным экспериментом, поэтому и все аспекты его существования отличаются особым характером и таким набором признаков, который мало где еще мог проявиться. Неудивительно поэтому, что и советская культура, будучи явлением крайне неоднозначным и неоднородным, стала феноменом сама по себе. Дать ей какое-то исчерпывающее определение вряд ли возможно – настолько неоднородна и подчас нелогична она была. По своей сути то, что вошло в историю как «советская культура», – это своего рода клин, который впился в естественный ход развития культуры огромного региона, расщепив его на «до» и «после» и оставив после себя неизгладимый в обозримом будущем след.

Характер социального, политического и культурного развития России после октябрьской революции 1917 года определил довольно закономерное разделение всего общества на самоотверженных сторонников и ярых противников этих резких изменений. Это противостояние достигло апогея в период гражданской войны (1917-1922/1923), закончившейся, как известно, поражением противников революции. Тем не менее, конец гражданской войны не положил конец расслоению новообразованного советского общества. На протяжении всей истории СССР жизнь его граждан

---

¹ Источник: <http://www.poltava.pl.ua/news/5222/>

практически всегда имела лицевую и изнаночную стороны. Лицевая сторона – это официальная жизнь, официальное искусство, официальные успехи и достижения Советского союза. Изнаночная сторона – жизнь «подпольная», андеграундное, нон-конформистское искусство, политические анекдоты, очереди и дефицит. Причем ключевым здесь становится слово «неприятие»: неприятие нового режима, неприятие новой жизни как таковой. Самым радикальным проявлением этого неприятия явилась эмиграция, ставшая в российском культурном контексте явлением самостоятельным и в чем-то уникальным, явлением не столько даже демографическим, сколько идейно-эстетическим.

Стоит, конечно, признать, что представители «творческих профессий» жили за границей и до революции 1917 года. Однако для писателей вроде Н. Гоголя или И. Тургенева, подолгу живших в разных европейских странах, это было, скорее, частью их творческой жизни, сознательным решением вылившейся в «европейские периоды» их творчества. Чаще всего речь шла о творческих поездках за границу, о поисках новых источников вдохновения. Российскую империю ее граждане покидали и по политическим причинам, например, после декабристского восстания (1825 г.) некоторые из его участников уехали в Париж.

Традиционно различают три волны эмиграции из СССР. Первая из них пришлась на первые послереволюционные годы и была напрямую связана с гражданской войной и так называемым «белым» движением. По словам В.В. Агеносова, «массовый исход беженцев из России в Европу начался уже в январе марте 1919 года с уходом немцев с Украины и французов из Одессы и достиг подъема в 1920 году, когда войска Деникина и Врангеля покинули Новороссийск и Крым».¹ Всего же, согласно далеко не полным данным, в первые послереволюционные годы из России эмигрировало около 2 миллионов человек.² В 1922 году правительством РСФСР было принято решение об изгнании из страны всех неугодных интеллектуалов и философов, многих из которых вывезли на специальных рейсовых пароходах. Этот эпизод в дальнейшем стал известен как «философский пароход», его «пассажирами», среди прочих, были видные религиозные философы Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский. После революции из России уехали и многие известнейшие литераторы: поэты К. Бальмонт, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, И. Северянин, В. Ходасевич, М. Цветаева, прозаики

---

¹ АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 С. ISBN 5-93127-002-7. С. 4.

² Там же. С. 4.

И. Бунин, А. Аверченко, А. Куприн, А. Ремизов, А. Толстой, Тэффи, И. Шмелев, М. Алданов и др. Первая волна эмиграции стала уникальным по своей природе явлением. Эмигранты смогли сохранить культуру, язык и обычаи дореволюционной России и пронести их через всю свою жизнь, создав в местах своего пребывания русские культурные «анклавы». Исследованиям их творчества, особенностей их мировоззрения и быта посвящено множество теоретических трудов.

Вторая волна эмиграции пришлась на 40-е годы XX века и была напрямую связана с событиями Второй мировой войны. Среди людей, покинувших СССР в эти годы, были «граждане Прибалтийских республик, не желавшие признавать советскую власть; военнопленные, справедливо опасавшиеся возвращения домой; молодые люди, вывезенные с оккупированных фашистами территорий в Германию в качестве дешевой рабочей силы; <...> люди, сознательно вставшие на путь борьбы с советским тоталитаризмом».¹ В общей сложности в Европу и США уехало порядка 1 миллиона человек. Советское руководство принимало усиленные меры по репатриации своих граждан, оказавшихся за пределами СССР в годы войны, причем репатриация зачастую совершалась насильственно и с ведома руководства западных государств. Однако с обострением отношений СССР и Запада власти государств, в которых по своей воле или против нее оказались советские эмигранты, перестали оказывать содействие в их возвращении на родину, начав предпринимать меры по укреплению организационных структур Второй волны русской эмиграции «с целью создания дополнительного полюса противоборства с советским режимом».² Вторая волна эмиграции обладала меньшим идеологическим «зарядом», среди ее представителей не так много имен известных литераторов. Самыми известными из них стали И. Елагин, Д. Кленовский, Н. Моршен и Л. Ржевский.

Третья волна эмиграции была явлением в определенной мере похожим, но в то же время отличным от двух предыдущих. Выделял ее тот факт, что это была эмиграция уже собственно советского поколения, не видевшего ничего, кроме СССР, «с молодых ногтей» впитавшего все особенности советского государства, его идеологии и, что немаловажно, его языка. Исследователи сходятся во мнении, что большинство эмигрантов Третьей волны – это поколение, с одной стороны, разочаровавшихся

---

¹ АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 С. ISBN 5-93127-002-7. С. 383.

² ПОЛЯКОВ, Ю., ed. 2007. *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. Сборник статей*. Москва : Институт российской истории РАН, 2007, 294 стр. ISBN 978-5-8055-0180-8. С. 63-70.

шестидесятников, начавших писать в период оттепели, ставших свидетелями развенчания культа личности Сталина, с другой – тех, чья личность сформировалась уже на закате оттепели, в период развивающегося застоя, который сопровождало сворачивание прав и свобод и усиление цензуры. Всех этих людей не устраивали изменения, происходившие в стране, в них росло неприятие советского режима, выливающееся в различные формы протеста. Чаще всего протест носил скрытый характер, говорилось о внутренней эмиграции, о диссидентстве. Лишь изредка протест становился открытым. Но в таких случаях репрессивные органы использовали целый арсенал средств для «укрощения строптивых»: от помещения в психиатрические лечебницы до высылки за границу. Кроме этого, многие граждане бывшего Советского Союза, оказавшись в зарубежных командировках или отправившись на гастроли, предпочитали остаться в той стране, куда их отправили, сбегая от своих официальных делегаций. Таких людей называли впоследствии «невозвращенцами». Среди наиболее известных «невозвращенцев» можно назвать, например, двух всемирно известных артистов балета – Михаила Барышникова и Рудольфа Нуреева.

Конечно, представление о Третьей волне будет неполным, если мы не упомянем ее «этнический аспект». На фоне внутривосточных перемен в СССР 60-70-х гг. произошел и ряд значимых событий на международной арене. Одним из них стало ухудшение отношений между Советским Союзом и молодым государством Израиль. Руководство СССР еще со сталинских времен характеризовало довольно негативное отношение к евреям. На закате сталинской эпохи это отношение стало менее радикальным, однако целый ряд ограничений по отношению к евреям все же существовал. В период оттепели развернулась деятельность еврейских активистов, начали основываться организации, консолидировавшие вокруг себя большое количество людей. Мощнейший импульс распространению сионистских идей среди советских евреев дала Шестидневная война в Израиле в июне 1967 г. Во время этой войны Советский Союз открыто встал на сторону арабских государств, определив напряженный характер советско-израильских отношений на несколько десятилетий вперед. 10 июня 1967 г., после того как Израиль отверг предъявленный ему ультиматум, СССР разорвал с ним дипломатические отношения.¹ После этих событий началась новая волна притеснений по отношению к евреям, вызвавшая острую критику на Западе. Все это обусловило открытие официального канала еврейской эмиграции:

---

¹ ЭНГЕЛЬ, В. *Евреи СССР в годы «застоя» (1967-1985 гг.)*. [online] [cit. 03.05.2012] Dostupné na internete: <http://jhist.org/russ/russ001-20.htm>

«10 июня 1968 г., т.е. через год после разрыва отношений с Израилем, в ЦК партии поступило совместное письмо руководства МИД СССР и КГБ СССР за подписями Громыко и Андропова с предложением разрешить советским евреям эмигрировать из страны»¹. Процесс был запущен и уже в конце 60-х – 70-е годы СССР покинуло более полумиллиона евреев, и именно они составили костяк Третьей волны эмиграции, хотя, конечно, эмигрировали и представители других народов, проживавших в Советском Союзе. В последующие годы общее число покинувших СССР граждан составило порядка 1,1 миллиона человек.²

В своей статье «Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР/СНГ последней трети XX – начала XXI века» В.В. Энгель, один из руководителей Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, разделяет еврейскую эмиграцию из СССР/России на три этапа: 1) конец 1960-х – первая половина 1970-х гг. XX в.; 2) вторая половина 1970-х – конец 1980-х гг.; 3) конец 1980-х гг. – по настоящее время.³

Первый этап непосредственно связан с событиями Шестидневной войны 1967 г. и развитием национального самосознания у советского еврейства. На этом этапе большинство эмигрантов отправлялось в Израиль, а количество уехавших в США и другие западные страны было невелико. На втором этапе число людей, выбиравших в качестве места эмиграции не Израиль, а чаще всего США, значительно выросло. «В этот период СССР покинуло более 210 тыс. человек, из них в Израиль приехало около 120 тыс. Остальные, воспользовавшись израильской визой, отправились на постоянное место жительства в другие страны»⁴. Третий этап приходится на годы перестройки и период после развала СССР, когда эмиграция начала приобретать все менее идеологический, национальный или политический характер, а преследовала чисто экономические цели.

В географическом отношении Третья волна оказалась разделенной между тремя центрами: изысканная интеллектуальная элита стремилась в Париж, остальных поделили Израиль и США. Культурный костяк русской эмиграции Третьей волны составили представители неподцензурного русско-советского искусства. Среди

---

¹ ЭНГЕЛЬ, В. *Евреи СССР в годы «застоя» (1967-1985 гг.)*. [online] [cit. 03.05.2012] Dostupné na internete: <http://jhist.org/russ/russ001-20.htm>

² ЭМИГРАЦИЯ. Четыре волны русской эмиграции в XX веке. In: *Газета «ЗАГРАНИЦА», № 02*. [online] [cit. 03.06.2012] Dostupné na internete: <http://www.zagran.kiev.ua/article.php?new=438&idart=438166>

³ ПОЛЯКОВ, Ю., ed. 2007. *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. Сборник статей*. Москва : Институт российской истории РАН, 2007, 294 С. ISBN 978-5-8055-0180-8. Стр. 172.

⁴ Там же. С. 174.

покинувших страну в 60-80-е годы было, естественно, много литераторов. Первым писателем, которому официально было разрешено в 1966 году выехать за границу, был В. Тарсис.¹ Вслед за ним за границей оказались Василий Аксёнов, Юз Алешковский, Иосиф Бродский, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Александр Галич, Юрий Кублановский, Владимир Максимов, Юрий Мамлеев, Виктор Некрасов, Саша Соколов, Александр Синявский, Александр Солженицын, Игорь Губерман, Дина Рубина и многие другие.²

Говоря о формировании Третьей волны как *литературного* феномена, нельзя не согласиться с известным литературным критиком-эмигрантом Александром Генисом, считавшим ключевым моментом этого процесса высылку из СССР Александра Солженицына в 1974 году.³ Хотя стоит признать, что как раз Солженицын и не стал главным идеологом Третьей волны, а стал скорее ее антагонистом. Автор «Одного дня Ивана Денисовича» всячески отделял себя от эмигрантского окружения, критикуя всех тех, кто уехал «за лучшей жизнью». Особенно ярко его противопоставленность Третьей волне проявилась в полемике с Александром Синявским и Владимиром Войновичем, но эта тема заслуживает отдельного исследования.

Расцвет литературы Третьей волны пришелся на 1970-1980-е годы. И совпал он с довольно тусклыми, закатными или, как их потом называли, «застойными» годами советской истории. Это позволяло произведениям эмигрантов выглядеть особенно яркими по сравнению с «унылым культурным ландшафтом позднего СССР».⁴ Но при этом многие представители Третьей волны не относились с абсолютным неприятием к современной им советской литературе, признавая художественные качества той литературы, которая получила название «промежуточной»: деревенская проза Валентина Распутина, Василия Белова и Василия Шукшина, интеллектуальная проза Юрия Трифонова.

Первоначальной миссией литературной Третьей волны было стремление рассказать «всю правду» о СССР, руководствуясь часто желанием договорить то, что по тем или иным причинам писатели не успели договорить в оттепель или то, что им не дали сказать в эпоху застоя.

---

¹ АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 С. ISBN 5-93127-002-7. С. 476.

² АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 С. ISBN 5-93127-002-7. С. 476.

³ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

⁴ Там же.

Однако не приходится говорить о каком-то идеологическом единстве Третьей волны. В этом отношении Александр Генис отмечает: **«Третью волну объединяла безусловная оппозиция к советской власти и разделяло все остальное»**.¹

Эмигранты Третьей волны перевезли с собой за границу традицию ожесточенных полемик в газетах и журналах. Это обусловило группирование писателей и интеллектуальной элиты в целом вокруг журналов, издаваемых в разных городах и странах, носивших разный эстетико-идеологический оттенок. В этот период продолжали свою работу еще ранее созданные журналы **«Грани»** (Германия), **«Новый журнал»** и **«Новое Русское Слово»** (США). Однако новые эмигранты тут же взялись за организацию своих собственных журналов. Главным органом третьей эмиграции был основанный Владимиром Максимовым в 1974 году в Париже журнал **«Континент»**. «Журнал стал самым авторитетным изданием как в зарубежье, так и в России, куда он попадал нелегально».²

Среди других примечательных журналов Третьей эмиграции можно назвать изысканный журнал Александра Синявского **«Синтаксис»**, журнал экспериментальной словесности **«Эхо»**, выходивший в Париже под редакцией поэта Алексея Хвостенко и прозаика-авангардиста Владимира Марамзина; весьма популярный ежемесячник **«Время и мы»**, основанный в Израиле Виктором Перельманом.

Однако истинного расцвета в эмиграции достигло издательское дело. Так называемый «тамиздат» сыграл одну из ключевых ролей в развитии русской литературы XX века – благодаря нему появилась возможность «соединить искусственно прерванную историю русской литературы, вернуть отечественному читателю изъятые режимом богатства».³ Исключительную роль сыграло основанное в 1971 году Карлом Проффером и его женой издательство **«Ардис»**, но о нем речь пойдет несколько позже. Среди других важных эмигрантских издательств можно назвать следующие: **«Посев»**, находящийся во Франкфурте; израильское **«Москва-Иерусалим»**, парижский **«Синтаксис»**, опубликовавший все книги Александра Синявского, старейший и крупнейший в Европе русский издательский дом **«УМСА-Press»**, где печатался Солженицын. Для Третьей волны важным событием стало также создание Игорем Ефимовым издательства **«Эрмитаж»** (1981), которое изначально

---

¹ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

² Там же.

³ Там же.

являлось «дочерним» издательством «Ардиса». Здесь вышли первые сборники стихов Льва Лосева, «Зона» и «Заповедник» Сергея Довлатова.¹

Важным моментом эмигрантских дискуссий 1970-1980-х годов стали размышления о месте писателя-эмигранта в иерархии литературы, о единстве или раздробленности русской литературы. Полемика велась как заочно – на страницах журналов и газет – так и на специально организованных конференциях. Ценным документом эпохи, отразившим представления о специфике эмигрантской литературы, выраженные практически всеми видными представителями Третьей волны (от Виктора Некрасова до Эдуарда Лимонова), стала книга «Третья волна: русская литература в эмиграции», вышедшая в 1984 году в издательстве «Ардис». В этой книге представлены состоявшиеся в рамках конференции в американском Лос-Анджелесе выступления целого ряда писателей, издателей и литературоведов, пытавшихся ответить, в том числе, на вопрос, который волновал уже представителей Первой волны: «две литературы или одна?». Практически все участники конференции сошлись во мнении, что русская литература едина, однако путь ее дальнейшего развития для них оставался неясен.²

По утверждению А. Гениса, «спецификой творчества писателей Третьей волны, ставшей отчасти и их драмой, стало то, что большинство своих крупных, значительных произведений они написали до эмиграции, а те произведения, которые писались уже после отъезда, так или иначе ориентировались на советскую действительность. Для большей части писателей Третьей волны сама эмиграция не стала темой».³ Исключения составляли Бродский и Солженицын. Первый стал «космополитом», второй – отшельником, однако масштаб таланта каждого из них выводил их за границы эмиграции как литературного явления.

Среди заметных и важных произведений непосредственно Третьей волны, то есть не только дописанных, но и начатых в эмиграции, стоит, например, назвать следующие: «Остров Крым» В. Аксенова, «Москва 2042» В. Войновича, скандальный роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка», сборники стихов Л. Лосева.

Третья волна в своей первоначальной форме утратила свою роль с развалом СССР, начав терять ее еще раньше, во времена перестройки. Некоторые писатели

---

¹ Информация об издательствах: ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

² THE THIRD WAVE: Russian Literature in Emigration. Ed. Olga Matich and Michael Heim. Ann Arbor : Ardis, 1984, 304 p. ISBN 0-88233-782-3. С. 23-53.

³ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

вернулись на родину, некоторые не успели этого сделать, некоторые переехали поближе к ней, живя «на несколько домов» (как, например, В. Аксенов).

Современному литературоведению еще лишь предстоит прийти к полноценному пониманию того, какое место эмигрантская литература в целом и, в частности, литература Третьей волны занимала в литературном процессе XX века, поскольку сам материал исследования еще слишком свеж и чувствителен ко всяким оценкам.

II. «РУССКАЯ АМЕРИКА» И «РУССКИЙ НЬЮ-ЙОРК»

Брайтон-Бич (Brighton Beach), «русский» район Нью-Йорка. ¹

Русская диаспора в Америке начала формироваться еще задолго до революции 1917 года. В статье Н. Пушкаревой «Возникновение и формирование русской диаспоры за рубежом» (1960) можно найти важные статистические данные относительно примерного количества людей, покинувших Россию в разные эпохи. Выясняется, например, что уже в XIX веке в США и Канаду уезжали особо предприимчивые семьи, рассчитывавшие на более высокие заработки и лучшую жизнь, причем число уехавших поданных Российской империи в период с 1829 по 1900 гг. составило 424 тысячи человек. Дальнейшие темпы эмиграции за океан постепенно набирали обороты, и уже в период с 1900 по 1913 в США и Канаде оказалось 92 тысячи человек.² Эмиграция в США всегда носила специфический характер, связанный с огромными расстояниями, отделявшими новый и старый дом. Люди, решавшиеся в то время на эмиграцию за океан, чаще всего осознавали, что вряд ли когда-либо вернуться на родину. Основную массу «экономических» эмигрантов из царской России составляли безземельные крестьяне, ремесленники, отчасти рабочие.

¹ Источник: http://www.russiablog.org/2008/08/new_york_city_says_it_official.php

² ПУШКАРЕВА, Н.Л. Возникновение и формирование русской диаспоры за рубежом. In: *Отечественная история*, № 1, 1996. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/origination/

В первые годы после Октябрьской революции 1917 года, то есть во времена Первой волны эмиграции, на территории США оказались по большей части промышленники и предприниматели, в отличие, скажем, от Парижа, куда ехала русская интеллигенция, или Балкан, где осела «белая» военная элита.¹ В период Второй волны эмиграции (во второй половине 40-х – начале 50-х гг.) в США на постоянной основе осталось порядка 35 тысяч человек, которые либо отказались, либо не могли вернуться в СССР после Второй мировой войны.² Однако наибольший поток эмигрантов пришелся, безусловно, на Третью волну эмиграции, начавшуюся в конце 60-х годов.

Американское правительство как главный антагонист и противовес Советского союза в период «холодной войны» всегда занимало особо активную позицию по отношению к СССР, состоянию общества и судьбам людей, тем или иным образом противостоящим главенствующему режиму. При поддержке американского правительства создавались различные проекты и организации, целью которых была консолидация «антикоммунистических сил». Одной из наиболее влиятельных послевоенных организаций, основанных в Америке, была «Лига борьбы за народную свободу». «Лига» была основана в 1948-1949 годы в Нью-Йорке, пик ее активности пришелся на конец 40-х – начало 50-х годов XX века. Главным ее идеологом являлся Б. Николаевский. Организация стояла «на непримиримых антикоммунистических позициях, идеологи считали свою организацию не политической партией, а широким союзом демократов».³ В связи с тем, что в «Лигу» входили люди, занимавшие самые разные политические позиции, в организации практически сразу начались внутренние разногласия, что обусловило ее недолгую историю. Однако «Лига» вела активную издательскую деятельность, основав ряд периодических изданий, наиболее представительным из которых была «Грядущая Россия». Несмотря на то, что организация в своей наиболее активной фазе просуществовала недолго, само ее существование можно считать иллюстрацией бурных социально-политических процессов, протекавших в послевоенной эмигрантской среде.

К моменту приезда «новых эмигрантов» в начале 1970-х годов эмигранты первых двух волн постепенно подходили к периоду подведения итогов, их дети с

---

¹ ПУШКАРЕВА, Н.Л. Возникновение и формирование русской диаспоры за рубежом. In: *Отечественная история*, № 1, 1996. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete:

http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/origination/

² ПОЛЯКОВ, Ю., ed. 2007. *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. Сборник статей*. Москва : Институт российской истории РАН, 2007, 294 С. ISBN 978-5-8055-0180-8. С. 71.

³ Там же. С. 161

рождения окунались в американскую жизнь и русскими оставались лишь частично. Третья волна стала своеобразной «инъекцией молодой крови», которая, нарушив естественный процесс смены поколений, привнесла в структуру русской эмиграции уже готовое и сформировавшееся поколение русскоязычных эмигрантов.

В. Энгель в потоке эмиграции (преимущественно еврейской), устремившейся в США, видит два основных типа эмигрантов. К первому он относит «значительную группу людей с высшим образованием, предпочитающую в возможно короткие сроки сделать карьеру в Соединенных Штатах и интегрироваться в американское общество». Эти люди стремились выучить английский язык, получить образование или переквалифицироваться, а затем устроиться на работу. «Другая, не менее многочисленная группа, в основном из числа людей, не имевших высшего образования, <....> предпочитала создать свою социальную среду, отгороженную наподобие гетто от остальной Америки».¹

В географическом отношении русская эмиграция в Америке оказалась сосредоточена в нескольких крупных городах: в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Бостоне и Чикаго. Наибольшее число эмигрантов поселилось в Нью-Йорке, что сделало его одним из центров русской эмиграции. Своеобразным феноменом эмигрантского Нью-Йорка стал район Брайтон-Бич, откуда «стараниями эмигрантов было вытеснено афроамериканское население и создан русский островок на берегу Атлантического океана».² Даже сейчас на этой улице сохраняются надписи на русском, а в магазинах продавцы скорее заговорят с посетителем по-русски, чем по-английски.

В 1970-е годы в Соединенных Штатах оказалось много ярких литераторов, среди которых можно назвать Иосифа Бродского, Саши Соколова, Алексея Цветкова, Константина Кузьминского, Льва Лосева, Эдуарда Лимонова, Петра Вайля, Александра Гениса и, конечно, Сергея Довлатова. В Нью-Йорке поселились Бродский, Лимонов, Вайль, Генис и главный «персонаж» данной работы – Довлатов. Но стоит признать, что Нью-Йорк начал играть особую роль в развитии культуры русской эмиграции еще задолго до приезда представителей Третьей волны.

Интересно, что именно в Нью-Йорке на протяжении 99 лет выходила газета **«Новое русское слово»**, основанная в 1910 году. «Новое русское слово» до сих пор остается старейшей в мире непрерывно издававшейся газетой на русском языке. Ее

---

¹ ПОЛЯКОВ, Ю., ed. 2007. *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. Сборник статей.* Москва : Институт российской истории РАН, 2007, 294 С. ISBN 978-5-8055-0180-8. С. 175.

² Там же. С. 175

издание в формате ежедневника прекратилось лишь в 2010 году. «Новое Русское Слово» возникло в пору, когда русских читателей в Америке было еще мало. Некоторые историки берут за год основания газеты даже не 1910, а ноябрь 1907 года, когда русский эмигрант Иван Окунцов и военный инженер Федор Постников, собрав 500 долларов, стали издавать газету «Русский голос»¹. Изначально газета носила исключительно локальный характер, отличалась провинциальностью материалов. В 20-е годы здесь начали печататься произведения видных писателей-эмигрантов первой волны (И. Бунина, А. Аверченко, А. Куприна и др.), но свое истинное «лицо» газета обрела в военное и послевоенное время: «Война преобразила „Новое Русское Слово“». Газета ожила, стала актуальной, вдумчивой, талантливой. Ее расцвет продолжался все сороковые и пятидесятые годы. Не было такого литературного имени, чтобы оно не появилось на четырех ежедневных страничках газеты. Пошли не только статьи, эссе и рассказы со стихами, полились мемуары и старопарижская, староберлинская, старобелградская полемика».² В послевоенные десятилетия, таким образом, «Новое Русское Слово» было главной ежедневной (что особенно важно) эмигрантской газетой. Особую роль в истории газеты сыграл литератор Андрей Седых, бывший личный секретарь нобелевского лауреата Ивана Бунина. А. Седых с 1973 года занимал должность главного редактора газеты. Его репутация позволила значительно повысить уровень газеты, сделать ее уважаемым изданием. Хотя именно с Третьей волной эмиграции у «Нового Русского Слова» отношения поначалу не складывались. Связано это было с появлением новой газеты «Новый Американец», главным редактором которой некоторое время был Сергей Довлатов. Об истории создания «Нового Американца» и конфликте Седых и Довлатова речь пойдет несколько позже.

Помимо «Нового Русского Слова» в Нью-Йорке издавался «**Новый журнал**», который долгое время являлся «единственным русским толстым журналом во всем мире вне Советского союза».³ Идея создания «Нового журнала» принадлежала писателю-эмигранту Марку Алданову и поэту и критику Михаилу Цетлину. «Новый журнал» декларировал свою принципиальную открытость любым идеологическим и эстетическим течениям, за исключением большевиков и национал-социалистов. В журнале выходили произведения многих значимых русских писателей Первой волны

---

¹ ТОЛСТОЙ, И. 2009. «Новое Русское Слово» - конец легенды. [online] [cit. 14.01.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1740312.html>

² Там же.

³ АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 С. ISBN 5-93127-002-7. С. 62

эмиграции: И. Бунина, Б. Зайцева, А. Ремизова, Д. Мережковского, Е. Замятина и многих других. Печатались здесь и писатели Второй волны (И. Елагин, Д. Кленовский), а также представители Третьей волны: А. Солженицын, И. Бродский и др. Журнал предлагал своим читателям и глубокие эстетико-философские статьи за авторством Н. Бердяева, А. Лосева, П. Флоренского и др.¹ В настоящее время в журнале «печатаются эмигранты всех «волн» из разных стран мира и многие российские авторы».² «Новый журнал» продолжает издаваться в Нью-Йорке, выходит он 4 раза в год.³

Немаловажную роль для литературного процесса в русском зарубежье сыграл и ряд издательств, организованных (или «перевезенных») в США. Так, в период с 1952 по 1956 годы в Нью-Йорке действовало «Издательство имени Чехова» (Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.). В период существования издательства в нем было опубликовано 178 книг 129 авторов. Здесь в основном печатались произведения русских писателей-эмигрантов (И. Бунин, А. Ремизов, В. Набоков, Б. Зайцев, М. Цветаева и др.), а также мемуарные и научные произведения, которые не могли быть опубликованы в СССР. Издательство вынуждено было закрыться из-за систематической нехватки средств.⁴ В Нью-Йорке с 1980 по 1992 года также работало издательство «Третья волна», переехавшее сюда из Парижа. «Среди авторов издательства были в те годы Владимир Максимов, Владимир Войнович, Георгий Владимов, и др. Совместно с парижским издательством Рене Герра „Альбатрос“ „Третья волна“ выпустила книгу Юрия Терапиано „Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): эссе, воспоминания, статьи“. Примерно в те годы издательство выпустило также две антологии: „Русские поэты на Западе“ (1986) и „Русские художники на Западе“. В 1984 году в издательстве начал выходить литературный журнал „Стрелец“».⁵

Однако главным американским (хоть и находилось оно не в Нью-Йорке) издательством 1970-1980-х годов стало уже упомянутое издательство «Ардис» (Ardis Publishing), созданное Карлом Проффером (Carl R. Proffer) и его супругой Эллендеей (Ellendea Proffer Teasley) в небольшом университетском городе Энн Арбор (Ann Arbor)

---

¹ По АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 С. ISBN 5-93127-002-7. С. 63-64.

² *Новый Журнал. Литературно-художественный журнал русского Зарубежья*. [online] [cit. 23.01.2013] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/nj/>

³ Там же.

⁴ *Издательство имени Чехова*. [online] [cit. 28.01.2013] Dostupné na internete: http://www.hrono.ru/organ/ukaz_i/izd_chehova.php

⁵ Там же.

в штате Мичиган. Карл и Эллендея, профессора известного Мичиганского университета, расположенного в Энн Арбор, своей деятельностью в рамках «Ардиса» внесли огромный вклад в воссоединение «разорванной» русской литературы. Издатели поставили перед собой цель вернуть изъятые советской цензурой произведения русской литературы Серебряного века, а также издавать переводы значимых произведений на английский язык. «Ардис» издавал официально забытые на родине произведения Анны Ахматовой, Зинаиды Гиппиус, Велимира Хлебникова, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Владислава Ходасевича, Андрея Платонова, Исаака Бабеля, Бориса Пильняка и др. Под маркой издательства вышло также собрание сочинений Булгакова. Но, как отмечает Александр Генис, «по-настоящему важной была публикация современной литературы. В сущности, почти все лучшее из написанного в постоттепельные годы вышло под маркой «Ардиса». С 1977-го Профферы публиковали все книги Бродского. Среди других поэтов – А. Цветков, Э. Лимонов, Ю. Кублановский. В прозе – книги В. Аксенова, Ю. Алешковского, С. Довлатова, И. Ефимова, исследование П. Вайля и А. Гениса „60-е. Мир советского человека“ и множество других предельно актуальных книг, включая ввезенный из СССР литературный альманах “Метрополь” (1979). „Ардис“ первым напечатал в полном, а не изуродованном цензурой объеме крупнейшие романы 1970-х – „Пушкинский дом“ (1978) А. Битова и „Сандро из Чегема“ (1979) Ф. Искандера, а также „Школу для дураков“ Саши Соколова».¹

Сергей Довлатов в статье, посвященной Карлу Профферу, скончавшемуся в 1984 году в возрасте 46 лет, также отмечал ту особую роль, которую «Ардис» сыграл в судьбе русской литературы: «Если мы заглянем в учебники, справочники и антологии советской литературы, выпущенные в Америке до семидесятого года, то за редкими исключениями мы не обнаружим в них тех прозаиков и поэтов, которые по праву составляют гордость нашей словесности: Гумилева, Ахматову, Мандельштама, Цветаеву, Ходасевича, Платонова, Бабеля, Зощенко, Булгакова и многих, многих других. <...> Долгие годы американская славистика простодушно ориентировалась на советские литературоведческие источники, и потому история нашей культуры представлялась искаженной. Если бы мы очертили ее пунктиром, то получилась бы примерно такая, разумеется, условная схема: от Чехова, Леонида Андреева и Горького – через Алексея Толстого, Леонова, Шолохова, Федина – к Паустовскому, Каверину и

---

¹ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

Гранину – вплоть до Солоухина и Евтушенко. Таким образом, за пределами этой схемы оказывалось едва ли не все самое ценное, подлинно художественное и одухотворенное, все то, что десятилетиями искоренялось в советском государстве как идейно чуждое, проникнутое буржуазными настроениями, выражающее интересы кулачества и других реакционных слоев общества... Короче говоря, все то, что мы любим и ценим в русской литературе двадцатого столетия».¹

После смерти Карла Проффера издательством руководила его вдова Эллендея. В 2002 году «Ардис» был приобретен издательством «The Overlook Press». Ценные архивы «Ардиса» были переданы Мичиганскому университету.²

В 1981 году двумя редакторами издательства «Ардис» Игорем и Мариной Ефимовыми было создано издательство «Эрмитаж», которое в 1985 году переехало в один из близлежащих к Нью-Йорку районов. Необходимость создания издательства Игорь Ефимов объяснял огромным количеством писательских рукописей, с публикацией которых существовавшие на тот момент издательства справиться не могли. Основное направление издательства – «Новые русские книги». За годы существования издательства в нем вышли книги прозы самого Игоря Ефимова, а также Василия Аксёнова, Марка Гиршина, Фридриха Горенштейна, Игоря Губермана, Сергея Довлатова, Людмилы Штерн и многих других. Здесь также выходила и поэзия (Лев Лосев, Анатолий Найман), и эссеистика (Петр Вайль, Александр Генис, Михаил Эпштейн), а также книги представителей предыдущих волн эмиграции, биографические книги. О роли издательства «Эрмитаж» в судьбе Сергея Довлатова речь пойдет позже. Издательство продолжает существовать и сегодня.³

Как видно даже из этого краткого обзора, у Нью-Йорка было действительно много общекультурных и литературных связей с русской эмиграцией. Этот мегаполис не стал, конечно, настолько эстетически и интеллектуально ярким явлением, как, скажем, довоенный «русский» Париж, однако он смог стать своеобразным «рыночным аккумулятором» русской эмиграции второй половины XX века. И именно сюда в 1979 году приехал Сергей Довлатов.

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. 1984. Памяти Карла Проффера. In: *Семь дней*, №48, 1984. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/pamyati.html>

² Special Collections Library. University of Michigan. Finding aid for Ardis Records, 1971-2002 [online] [cit. 18.01.2013] Dostupné na internete: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/f/findaid/findaid-idx?c=scllead;cc=scllead;view=text;rgn=main;didno=umich-scl-ardis>

³ Об издательстве Hermitage Publishers. [online] [cit. 18.01.2013] Dostupné na internete: <http://igor-efimov.com/hermitage.html>

III. НА ГРЕБНЕ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ. ДОВЛАТОВ И ЕГО ЭМИГРАЦИЯ

Довлатов в Манхэттене. Фотография Нины Аловерт.¹

Сергей Донатович Довлатов родился 3 сентября 1941 года в смешанной армяно-еврейской семье. С 1944 года он жил в Ленинграде и до самой эмиграции был непосредственным участником альтернативной ленинградской культурной среды.

О Довлатове говорят, что он «фактически принадлежал к „поколению промежутка“: «для официальной самореализации краткосрочной оттепели <ему> не хватило, а к подпольному существованию <он> в начале застоя ещё не был готов».² Уже во время учёбы в Ленинградском государственном университете Довлатов завязывает дружбу с представителями неофициального искусства, молодыми ленинградскими поэтами (Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Иосифом Бродским). Хотя благодаря определенным семейным связям Довлатов уже на заре своего творчества был вхож и в официальные литературные круги. В Центральном литературном объединении при Союзе писателей (ЛИТО) работала его тётка, Маргарита Степановна Довлатова, поэтому молодой писатель несколько раз участвовал в заседаниях этого объединения. Довлатов отмечал, что объединением руководили в целом либерально настроенные официальные писатели, поэтому он уже тогда мог получать от них ценные советы. Позже он писал: «Оглядываясь на свое безрадостное

¹ Источник фотографии: <http://sergeidovlatov.com/new-york.html>.

² КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 С. ISBN 978-5-367-00943-9. Стр 62.

вроде бы прошлое, я понимаю, что мне ужасно повезло: мой литературный, так сказать, дебют был волею обстоятельств отсрочен лет на пятнадцать, а значит, в печать не попали те мои ранние, и не только ранние, сочинения, которых мне сейчас пришлось бы стыдиться. Это во-первых, а во-вторых, мне повезло еще и в том смысле, что на заре моих, теперь уже долгих литературных занятий рядом со мной были «официальные писатели эпохи застоя», которые верили в меня, тратили на меня время, внушали мне веру в свои силы».¹

Свои рассказы начала 60-х годов Довлатов старался показывать всем, кто их мог бы оценить (в том числе, Иосифу Бродскому и Даниилу Гранину), и всячески добивался их публикации. Однако чаще всего он получал отказы. Официальная критика чувствовала в содержании и стиле его рассказов нечто чуждое.² Это, по большому счету, и не позволило его произведениям стать частью официально разрешенной литературы. Вдобавок, 30 января 1968 года произошло еще одно «роковое» для писателя событие. Довлатов участвовал в Вечере творческой молодежи Ленинграда, проходившем в Доме писателей, на котором выступали неофициальные ленинградские литераторы: И. Бродский, В. Марамзин, В. Уфлянд, Вал. Попов, Я. Гордин, Б. Вахтин. Довлатов там также читал свои рассказы. На всех участников написали донос, а сама встреча была охарактеризована как «хорошо подготовленный сионистский художественный митинг». После этого перед Довлатовым закрылись двери в ленинградское отделение Союза писателей, на него обратило внимание КГБ.³

Из-за невозможности напечататься и неурядиц в личной жизни Довлатов уезжает в либеральный по тогдашним меркам Таллинн, где он пробыл с 1972 по 1975 гг. В Таллинне он пробовал свои силы в нескольких областях, но, в конце концов, оказался в штате главной республиканской газеты Эстонской ССР «Советская Эстония». Попыток издать свои произведения писатель не оставлял, и в 1973 году в журнале «Нева» ему удалось напечатать рассказ «По собственному желанию», а в 1974 году в журнале «Юность» вышел его рассказ «Интервью». Позже Довлатов эти произведения рассматривал как абсолютно конъюнктурные, поэтому сложно считать их «настоящей» довлатовской прозой. В это же время в таллиннском издательстве

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Мы начинали в эпоху застоя. In: *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. С. 321.

² СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 С. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 28.

³ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 С. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 151-152.

«Ээсти Рамат» была одобрена к публикации его первая книга – сборник под названием «Пять углов». Затем, по роковому стечению обстоятельств, рукопись сборника оказалась у некоего диссидента Котельникова, у которого в квартире проводился обыск. У Котельникова изъяли много запретной литературы, случайно изъяли и рукопись Довлатова. После этого практически готовый сборник был запрещен к публикации, а самого писателя уволили из «Советской Эстонии».

В феврале 1978 года, после нескольких месяцев хождения по инстанциям, собирания самых разных документов, включая справку о том, что Довлатов не имеет к ним материальных претензий, из СССР в США уехали жена Елена и дочь Екатерина. Все эти обстоятельства еще более усложнили и без того непростое существование писателя на родине.

Интересно отметить, что в 1960-1970-е Довлатов-писатель не стал широко известен в самиздате, как и не стал он ярко выраженным диссидентом. «В Союзе я диссидентом не был. (Пьянство не считается)», – писал он.¹ Тем не менее, до самого отъезда ни одного зрелого, «настоящего» произведения Довлатова на родине напечатано не было. Зато бóльшее признание он получил за границей. В «тамиздате» его издавали относительно много. В 1977 году издательство «Ардис» опубликовало довлатовскую «Невидимую книгу». В этом же году в основанном в Париже журнале «Континент» вышел его рассказ «По прямой». В израильском журнале «Время и мы» вышли рассказы «Голос» и «На что жалуетесь, сержант?».²

На родине положение Довлатова становилось все более небезопасным. В апреле 1978 года писателя, по его же словам и свидетельствам друзей³, избили милиционеры, а затем ему дали 10 или 15 суток ареста. За писателем начали усиленно наблюдать, а публикацию в «Континенте», который считали вражеским журналом, приняли как «диверсию». Довлатова вызвали в КГБ и предупредили, что он отправится или «по следам Бродского» (трудовые лагеря, унижительные судебные процессы), или в эмиграцию, хотя сам писатель признавался, что до последнего не хотел уезжать. Его снова арестовали 18 июля 1978 года, дали 10 суток. 27 июля писателя выпустили и сообщили, что ему выдано разрешение на выезд за границу. 24 августа 1978 года Довлатов вылетел в Вену, которая в те времена была своеобразным перевалочным

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. 2011. Марш Одиноких. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Т. 4. С. 568.

² СУХИХ, И. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010, 288 С. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 274.

³ ПОПОВ, В. *Довлатов*. Москва : Молодая Гвардия, 2010, 355 С. ISBN 978-5-235-03408-2. С. 244-246.

пунктом эмиграции, откуда затем отправлялись либо в Израиль, либо дальше на Запад.¹
В конце февраля 1979 года Сергей Донатович прилетел в Нью-Йорк, где воссоединился со своей семьёй.

---

¹ ПОЛЯКОВ, Ю., ed. 2007. *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. Сборник статей.* Москва : Институт российской истории РАН, 2007, 294 С. ISBN 978-5-8055-0180-8. С. 174.

IV. НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ДОВЛАТОВ, ДОВЛАТОВСКИЙ НЬЮ-ЙОРК

Дом на 108-й улице Нью-Йорка, в котором жил Довлатов.¹

Письма Довлатова, написанные им в Нью-Йорк из Вены, никак не предвещали того бурного расцвета литературной (и не только) деятельности Довлатова в эмиграции. В них было больше сомнения и неуверенности, чем каких-то определенных планов. Отдельные рукописи уже разошлись по газетам и журналам, но о какой-то завершенной книге говорить не приходилось.²

В Нью-Йорке, разделенном на множество этнических кварталов, находилось место всем и всегда. Русские эмигранты облюбовали несколько кварталов. Самым известным стал уже упоминавшийся Брайтон Бич. Другим таким районом стал Квинс (Queens) с его Форест-Хиллс (Forest Hills). Именно тут и поселились Довлатов с семьей, в которой в 1981 году стало на одного человека – сына по имени Николай (Николас Доули) – больше. Во второй части сборника «Ремесло» Довлатов так описал свой район: *«...наш район Форест-Хиллс – считается довольно изысканным. Правда, мы живем в худшей его части, на границе с Короной. Под нашими окнами – Сто восьмая улица. Выйдешь из дома, слева – железнодорожная линия, мост, правее – торговый центр. Чуть дальше к северо-востоку – Мидоу-озеро. Южнее – шумный*

¹ Источник: <http://samsebeskazal.livejournal.com/29526.html>

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Жизнь и мнения. Избранная переписка*. Санкт-Петербург : ООО «Журнал „Звезда“», 2011, 384 С. ISBN 978-5-7439-0156-2. С. 177-199.

*Квинс-бульвар. Русский Форест-Хиллс простирается от железнодорожной ветки до Шестидесятых улиц».*¹

Устроившись в Нью-Йорке, Довлатов стал решать свои литературные и околотекстурные дела. С 1980 года в самых разных издательствах (см. раздел «Проза») стали, одна за другой, выходить его книги. Сначала книги выходили по-русски, но довольно быстро стали появляться и переводы. В этом ему помог Иосиф Бродский, с которым Довлатов дружил еще с ленинградских времен. Именно Бродский познакомил Довлатова с его первой переводчицей, Энн Фридман.² Переводы десяти рассказов Довлатова были напечатаны в «The New Yorker», одном из самых престижных американских журналов. Такой чести не удостоивался до этого ни один русский писатель, за исключением все того же Бродского. Даже такой именитый писатель, как Курт Воннегут, был поражен таким успехом Довлатова и написал ему письмо:

«Дорогой Сергей Довлатов –

Я тоже люблю вас, но Вы разбили мое сердце. Я родился в этой стране, бесстрашно служил ей во время войны, но так и не сумел продать ни одного своего рассказа в журнал «Нью-Йоркер». А теперь приезжаете вы и – бах! – Ваш рассказ сразу же печатают. Что-то странное творится, доложу я вам...

Если же говорить серьезно, то я поздравляю Вас с отличным рассказом, а также поздравляю «Нью-Йоркер», опубликовавший наконец-то истинно глубокий и универсальный рассказ. Как вы, наверное, убедились, рассказы в «Нью-Йоркере» отражают радости и горести верхушки мидлкласса. До вашего появления немного печаталось в «Нью-Йоркере» рассказов о людях, которые не являются постоянными читателями того же «Нью-Йоркера».

Я многого жду от вас и от вашей работы. У вас есть талант, который вы готовы отдать этой безумной стране. Мы счастливы, что Вы здесь.

*Ваш коллега КУРТ ВОННЕГУТ».*³

Помимо журнальных публикаций на счету Довлатова было и пять книжных переводов на английский. Были переведены «Компромисс» (The Compromise, Anne Frydman, 1990), «Зона» (The Zone, Anne Frydman, 1984), «Наши» (Ours: a Russian Family

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. 2011. Ремесло. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 120-121.

² ПОПОВ, В. 2010. *Довлатов*. Москва : Молодая гвардия, 2010, 355 с. ISBN 978-5-235-03408-2. С. 297.

³ Курт Воннегут Сергею Довлатову. In: *Слово\Word*, № 60, 2008. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/slovo/2008/60/vo3.html>

Album, Anne Frydman, 1989), «Чемодан» (The Suitcase, Antonina W. Bouis, 1990) и «Иностранка» (A Foreign Woman, Antonina W. Bouis, 1991).

Нью-Йорк дал Довлатову ту свободу, которая позволила полностью развернуться его творческому потенциалу, он наконец-то смог писать то, **что** хотел и **как** хотел. «...На русской березе рассказы Довлатова не выросли бы никогда, ни при какой политической погоде. Потребовалась Америка, с совсем иной литературной шкалой».¹

Круг общения Довлатова в Америке ограничивался преимущественно такими же эмигрантами, как и он сам. Причиной этому отчасти был и языковой барьер. Довлатов усиленно изучал английский язык, однако его знаний было недостаточно для свободного общения с американцами, поэтому и круг общения грандов типа Бродского, по воспоминаниям Елены Довлатовой, был для него недоступен.² Однако Довлатов с самого начала своего пребывания в Нью-Йорке принялся «творить» литературно-культурную ситуацию в эмигрантской среде. Помимо литературы, он стал активно заниматься журналистикой, пусть и воспринимая ее как вторичное творчество, отвлекающее от настоящего. При непосредственном участии Довлатова была создана газета «Новый Американец», практически сразу ставшая одним из самых популярных изданий в среде русской эмиграции. Кроме этого, Довлатов устроился на работу на легендарное «Радио Свобода» (Radio Liberty), и его голос стал слышен далеко за границами Америки. Постепенно вокруг фигуры Довлатова сформировался свой круг общения, куда входили его коллеги по газете и по радиостанции. Довлатов также вел активную переписку со своими ленинградскими друзьями (например, с Людмилой Штерн) и писателями-эмигрантами (например, с Виктором Некрасовым).³ Не со всеми окружающими отношения у Довлатова складывались гладко. В книге Валерия Попова «Довлатов» есть много упоминаний о большом числе обиженных на Довлатова, о тяжелом характере писателя и даже о его вероломстве. В этом отношении показательна переписка Довлатова с Игорем Ефимовым, его главным русским издателем. В письмах отражены не самые приятные моменты взаимоотношений литераторов, закончившихся в итоге крупной ссорой и взаимной неприязнью.⁴

---

¹ ПОПОВ, В. 2010. *Довлатов*. Москва : Молодая гвардия, 2010, 355 С. ISBN 978-5-235-03408-2. С. 293.

² КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 С. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 385.

³ Избранная переписка Довлатова представлена в книге «Сергей Довлатов. Жизнь и мнения. Избранная переписка», Санкт Петербург : ООО Журнал «Звезда», 2011, 384 С. ISBN 978-5-7439-0156-2

⁴ Некоторые из этих писем можно прочитать здесь: <http://www.sergeidovlatov.com/books/efimov-1.html>

Однако главным достижением нью-йоркской жизни Довлатова стали, безусловно, его книги. Нам видится, что несмотря на все сложности и неоднозначности довлатовской биографии, именно его произведения должны в итоге стать главным объектом рассмотрения, хотя, бесспорно, стоит признать и тот факт, что без нью-йоркского окружения и всех тогдашних перипетий они, возможно, были бы совершенно другими.

V. ПРОЗА

Довлатов с американским изданием «Компромисса». ¹

Все произведения Довлатова обманчиво просты. Однако именно его доверительный тон, особый, почти грустный юмор сделали его одним из самых читаемых писателей современности. Наиболее точно охарактеризовал «секрет успеха» Довлатова Александр Генис: «Наиболее характерным, представительным, так сказать, адекватным писателем Третьей волны был Сергей Довлатов. В отличие от большинства других эмигрантских авторов, Довлатов в Советском Союзе практически не печатался. Если светила Третьей волны – Синявский, Аксенов, Войнович, Владимов – обладали и литературной и диссидентской славой еще до эмиграции, Довлатов начинал практически с нуля. Хотя его приезду предшествовали несколько очень успешных публикаций в зарубежной периодике, читатель не очень понимал, чего ждать от этого автора. Тем удивительней, как стремительно разворачивался роман Довлатова с Третьей волной. Довлатов оказался соразмерен своей аудитории. Казалось, что он работал с теми же темами, что и другие авторы, – кошмары лагерей, цензурные преследования, лицемерие режима, богема, двоемыслие интеллигенции, пьянство, разврат и прочие безобразия советской жизни. Однако читатели, даже раньше критиков, сразу почувствовали новизну довлатовского стиля и обаяние его

---

¹ Источник: <http://www.sergeidovlatov.com/img/photo55.jpg>

мировоззрения. Довлатов никого не учил, он ставил себя скорее ниже, а не выше читателя. Его юмор был скрытым, мастерство – тайным, эффект незабываемым.

<...>

При этом Довлатов писал демонстративно просто, избегая и приемов психологической прозы, и модной в его среде авангардной техники. Многие в триумфе довлатовской прозы объясняет его жизненная философия, вернее – ее отсутствие. Он описывал жизнь вне догмы, отказываясь заменить “плохие” идеи хорошими, правильными. Довлатов был внеидеологическим писателем, ибо не верил в способность общих мыслей формировать индивидуальность. Его интересовали исключения, потому что он не признавал правил и считал эксцентричность залогом подлинности.

<...>

Писательское кредо Довлатова, в сущности, не менялось в Америке. Но если в старых книгах («Зона», «Компромисс», «Заповедник») материал был советским, то в новые («Иностранка», «Филиал») попадала эмигрантская жизнь, описанная безжалостно и смешно. <...> В его книгах Третья волна нашла свой язык, который, попав со временем в Россию, оказал сильное влияние на стиль отечественной словесности вообще и прессы в особенности».¹

В этой части работы мы остановимся на главных книгах Сергея Довлатова, изданных в период его эмиграции.

---

¹ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

«Невидимая книга». Ann Arbor: Ardis, 1977.

Обложка первого издания.
Источник:
wadiczka.livejournal.com

«Невидимой книге» досталась судьба первой книжной тамиздатовской публикации Сергея Довлатова. Вышла она в 1977 году в том самом издательстве «Ардис», создателем которого был Карл Проффер. Значимость этого события для писателя сложно переоценить: «Скажу без кокетства: издание этой книги тогда значило для меня гораздо больше, чем могла бы значить Нобелевская премия – сейчас. В моей жизни появился какой-то смысл, я перестал ощущать себя человеком без определенных занятий. Не будет преувеличением сказать, что Карл Проффер в те годы буквально спас мне жизнь, удержал от самых безрассудных, отчаянных и непоправимых шагов».¹

Публикация в «Ардисе» представляет собой первую редакцию книги. В значительно измененном виде «Невидимая книга» стала впоследствии частью книги «Ремесло» (1985), куда также вошла часть под названием «Невидимая газета», рассказывающая историю создания газеты «Новый американец» и ее трагичного конца.

«Невидимая книга» – концентрированное повествование о доэмигрантском периоде жизни писателя, охватывающее период его жизни с самого рождения до отъезда в Америку. Здесь содержатся зародыши сюжетов, которые в полную силу развернулись в других довлатовских произведениях: краткая семейная хроника, впоследствии ставшая повестью «Наши»; служба в охране, ставшая темой «Зоны»; работа в Таллинне, о которой писалось в «Компромиссе» и др.

Довлатов назвал «Невидимую книгу» «признаниями литературного неудачника»², заняв тем самым свою излюбленную, «приниженную» авторскую позицию. Писатель шаг за шагом рассказывает о перипетиях в жизни своих родителей и родственников, плавно переходя к своей автобиографии. Утверждая, что в книге все

¹ ДОВЛАТОВ, С. 1984. Памяти Карла Проффера. In: *Семь дней*, № 48, 1984. [online] [cit. 14.11.2012]
Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/pamyati.html>

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. Ремесло. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 7

подлинно и достоверно, Довлатов начинает историю своих скорее *з*локлучений в Ленинграде, на службе в армии, в Таллинне и снова в Ленинграде. Читатель находит здесь истории знакомства автора со всей «элитой» андеграундной культуры Ленинграда: Иосифом Бродским, Анатолием Найманом, Евгением Рейном, Игорем Ефимовым и др. Читаем мы и подробное описание многочисленных и безуспешных попыток напечататься в Советском Союзе, поражающее своей документальной точностью. Видно, велика была обида Довлатова на всех редакторов журналов и издательств, отправлявших ему постоянные отказы, сопровождавшиеся, однако, похвалами и признанием художественных качеств самих произведений прозаика. Многие из этих писем Довлатов приводит в своей книге.

Книгу буквально пронизывает атмосфера глубоко отчаяния, вызванная невозможностью реализовать в том, что главный герой воспринимает как свое призвание. (Ведь его, по его же словам, еще в коляске ущипнул сам Андрей Платонов!¹) Постоянное «бодание» со всевозможными ответственными госорганами чаще всего оказывается безрезультатным. Лишь несколько попыток оказывается удачными, да и то в ущерб собственной писательской гордости. По мере приближения к финалу «Невидимой книги» у читателя формируется представление о тотальном абсурде, царящем в окололитературной среде советского государства. Довлатов, не скрывая адресованность произведения своим обидчикам на литературном фронте, в финале говорит: *«Вот и закончена книга, плохая, хорошая... Дерево не может быть плохим или хорошим. Расти, моя корявая сосенка! Да не бывать тебе корабельною мачтой! Словом, а не делом отвечаю я тем, кто замучил меня. Словом, а не делом!»*

Я даже хочу принести благодарность этим таинственным силам. Ведь мне оказана большая честь – пострадать за свою единственную любовь!»²

В «Невидимой книге» не обошлось и без определенных формальных экспериментов на уровне организационной структуры произведения. Всю свою небольшую повесть Довлатов разбивает на главы, носящие названия, определяющие тематику каждой части («Горожане» – деятельность литературной группы с этим же названием, «Рыжий» – намек на Бродского, о знакомстве с которым идет речь в главе и т.д.). При этом все главы перемежаются вставками, обозначенными как «Соло на

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Ремесло. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 12.

² Там же. С. 112.

ундervуде»¹. Каждая из таких вставок – иллюстрация кратких текстов, находящихся в записных книжках Довлатова. Чаще всего это совсем короткие, вплоть до одной строки в длину, истории, забавные фразы, необычные ситуации, которое тем или иным способом связываются с действием, разворачивающимся в каждой главе. С формальной точки зрения они нередко напоминают анекдоты, как, например, в главе об Иосифе Бродском:

«СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Шли мы откуда-то с Бродским. Был поздний вечер. Спустились в метро – закрыто. Чугунная решетка от земли до потолка. А за решеткой прогуливается милиционер. Иосиф подошел ближе. Затем довольно громко крикнул:

«Э?»

Милиционер насторожился, обернулся.

*«Дивная картина, – сказал ему Бродский, – впервые наблюдаю мента за решеткой».*²

Завершает книгу также подобная запись, ставящая трагикомическую, но в то же время и жизнеутверждающую точку под всеми «хождениями по мукам» ради «единственной любви» Довлатова – литературы:

*«Самое большое несчастье моей жизни – гибель Анны Карениной!»*³

---

¹ Книга под названием *«Соло на ундervуде. Записные книжки»* вышла в Париже и Нью-Йорке в 1980 году.

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. Ремесло. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 17-18.

³ Там же. С. 112.

«Компромисс». New York: Серебряный век, 1981.¹

Обложка первого издания.

Источник:

<http://www.sergeidovlatov.com>

Сборник «Компромисс» вышел в Нью-Йорке в 1981 году, но, как и в случае других довлатовских книг, рассказы для него были написаны значительно раньше: в период с 1973 года. Тематически и топографически все рассказы, вошедшие в сборник, относятся к таллиннскому периоду жизни писателя (1973–1976), когда Довлатов в силу разного рода причин покинул Ленинград и уехал в наиболее демократическую по тем временам республику СССР – Эстонию, где спустя некоторое время ему удалось стать штатным корреспондентом газеты «Советская Эстония», официального печатного органа коммунистической партии Эстонской ССР.

Первая и очевидная черта, выделяющая сборник, – это его композиция. Так, все 12 рассказов сборника предваряют отрывки из газетных статей и разного рода заметок из эстонской прессы разного времени, автором которых в предисловии заявлен сам Довлатов. Таким образом читатель сначала знакомится с официальной «историей», освещенной в газете, и её неофициальной «предысторией», представшей затем в самом рассказе. Подобная композиция обусловила концептуальную, идейную сторону произведения, которую сам писатель охарактеризовал как *«дорогу от правды к истине»*², то есть от чего-то субъективного («правды») к объективному («истине»). Однако, как в своей книге отмечает И. Сухих, *«ключевым в книге оказывается противопоставление не правды и истины, а лжи и правды»*.³ Закономерно предположить, что ложь в этом случае – это то, что дано курсивом перед рассказами – газетные заметки, а правда – это то, что Довлатов рассказывает в своих двенадцати «компромиссах». Но все же, на наш взгляд, не все так очевидно. И объективную «истину», которую упоминает писатель в предисловии к сборнику, стоит, наверное,

¹ Podľa príspevku «Правда» в творчестве С. Довлатова (На материале сборника «Компромисс»), prezentovaného na konferencii „Hodnoty v literatúre a umění“ (Brno, 6-7. septembra 2012).

² ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 106.

³ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 121.

искать, где-то посередине между рафинированным журналистским текстом и преисполненным откровенности довлатовским рассказом.

Первым под сомнение попадает фактическая составляющая обоих слоев сборника. Довлатов, вошедший в литературу как мастер автобиографического рассказа, своими произведениями очень умело вводит читателей в заблуждение, заставляя поверить в реальность всего происшедшего, в то, что все рассказанное было «на самом деле». Но, как признают многие современники и друзья писателя, которых он совершенно свободно включал в свое повествование, Довлатов *«почти никогда ничего не описывал так, как это было на самом деле»*¹. Следовательно, очень важным моментом в прочтении таких произведений, как «Компромисс», является определенное дистанцирование от читаемого, преодоление веры в правдивость всего написанного. Ведь даже в случае Довлатова, превратившего свою жизнь в один большой сборник рассказов, художественный вымысел никто не отменял, поэтому сомнению подвергнуть можно не только факты, описанные в газетных статьях, но и факты в содержании самих литературных произведениях. В работах по творчеству Довлатова и сборнику «Компромисс» чаще всего внимание уделяется как раз последним, что, конечно, вполне естественно. Однако, на наш взгляд, не меньший интерес представляют и газетные цитаты, пусть даже и вымышленные или обозначенные впоследствии неверными датами², но написанные одним и тем же пером. Хотя в этом отношении вполне можно применить метафорическую классификацию этих «перьев» в зависимости от интенции писателя, его общественного положения и т.д. Так, в «Компромиссе» мы видим результат работы двух довлатовских «перьев»: пера советского журналиста и пера сначала писателя-подпольщика, а затем уже состоявшегося писателя-эмигранта. Соответственно возникают и два типа дискурса, каждый со своей направленностью, и со своей целевой аудиторией (здесь мы условно вырываем газетные цитаты из произведения и погружаем их в оригинальную среду в качестве материалов официальной советской прессы, представленных советскому же читателю). Как у каждого из этих перьев, так и у каждого из этих дискурсов есть и своя «правда». В случае Довлатова-журналиста, писавшего все эти заметки, это вымученная правда, на личном уровне являвшаяся, конечно, ложью, тем самым компромиссом с системой. Поэтому и тексты газетных статей нам видятся состоящими практически из

---

¹ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 181.

² СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 119.

одних лишь умолчаний, недоговоренностей, штампов. Следовательно, если газетные заметки – это набор умолчаний, то уже тексты Довлатова-писателя эти же умолчания ставят во главу угла, раскрывая и превращая их в полноценное литературное произведение, а «правда», в них содержащаяся, порой и возводится в ранг той самой «настоящей правды».

В целом журналистский дискурс Довлатова, примеры которого представлены в «Компромиссе», отвечает основным требованиям советского информационного пространства, в котором СМИ выступали в роли одного из главных орудий пропаганды. Поэтому и довлатовские заметки – это примеры чисто советской журналистики, граничащей порой с мифотворчеством. В случае «Компромисса» – это мифы о преуспевающем таллиннском ипподроме, о творческих гостях Таллинна с «томиком Александра Блока»¹ под мышкой, о 400-тысячном жителе Таллинна с героическим именем Лембит, о письмах доярки-рекордсменки генсеку Брежневу, о самоотверженных и чистых разумом и совестью костюмерах и научных работниках, о всеобщей скорби по поводу кончины директора телестудии, о съездах бывших узников фашистских лагерей, проходящих в атмосфере «воспоминаний, дружбы, верности пережитому»². Но, несмотря на всю «мифологичность», все эти газетные истории от литературных чаще всего отличаются лишь версией «правды», т.е. **интерпретацией** некоего факта, реально произошедшей ситуации.

В «Компромиссе втором», например, таким фактом стал пятидесятилетний юбилей таллиннского ипподрома, о котором в газете вышла статья под поэтичным заголовком «Соперники ветра», заранее внушавшим уважение к работникам этого заведения: «За пятьдесят лет спортсмены отвоевали немало призов и дипломов, а в 1969 году мастер-наездник Антон Дукальский <...> выиграл Большой всесоюзный приз. Среди звезд таллиннского ипподрома выделяются опытные мастера – Л. Юргенс, Э. Ильвес, Х. Ныммисте. Подает надежды молодой спортсмен А. Иванов». Имена всех этих наездников представляются именами почти героев. В самом же рассказе эти «опытные наездники» представляются мошенниками, которые вместе со своей «солидной клиентурой» участвуют в махинациях со ставками, заведомо придерживают своих лошадей, чтобы получить свою долю от выигрыша. Мастер-наездник Дукальский проходит под полууголовной кличкой Дукель, а, например,

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 110.

² Там же. С. 263.

молодое дарование Иванов в статье проходит под инициалами «А.», в рассказе он Толик, а в жизни, как оказывается, – Виктор¹. Да и сам ипподром, по словам Довлатова–писателя, «представляет собой довольно жалкое зрелище»². Таким образом, Довлатов, умело используя два противоположных стиля речи – высокий в заметке и сниженный в рассказе, создает ситуацию контраста. Но при этом факт остается фактом: ипподрому действительно 50 лет и его наездники действительно профессионалы. Разница лишь в своеобразном выпячивании либо положительной, либо отрицательной стороны их «профессионализма».

Не менее интересен пример «Компромисса восьмого», рассказывающего историю переписки доярки-ударницы Линды Пейпс, вместо которой Довлатов должен был написать послание в Москву, рассказывающее о ее успехах, и генсека Брежнева, чей ответ пришел раньше, чем было отправлено первое письмо. Этот рассказ – типичный для Довлатова пример восприятия и изображения жизни как абсурда. Абсурдна сама ситуация, когда доярка из удаленного эстонского поселка рапортует в Москву о своих успехах, абсурден ответ из Москвы, призванный создать иллюзию заботы и участия со стороны верхов. Рассуждая об элементе правды в этом рассказе, можно прийти к выводу, что здесь налицо создание «правды» из изначальной лжи, причем как в случае газетной статьи, так и в случае литературного текста. Если со статьёй в этом отношении все понятно, то для литературного текста потребуется обращение к воспоминаниям коллег Довлатова, утверждавших, что вовсе не он готовил материал о доярке и ни в какой поселок не ездил³. То есть оказывается, что заведомо сомнительный факт был облечен в некое подобие «правды» в виде газетной статьи, а литературный же текст, призванный разоблачить текст газетный, сам по себе также происходит из неправдивого факта. Однако настоящая ценность именно этого рассказа состоит в предельной откровенности писателя, в изображении лицемерной и циничной стороны журналистской деятельности. Его отчаянное заявление о том, что в газете «много врать приходится»⁴, – это отнюдь не поза и не оправдание, а суровая констатация факта. В других рассказах мы находим не менее точные автохарактеристики, поскольку Довлатов, никогда не идеализировавший себя ни как

---

¹ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 178.

² ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 108.

³ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 190.

⁴ ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 181.

человека, ни как писателя, не идеализирует себя и как журналиста. В «Компромиссе одиннадцатом» он так характеризует квинтэссенцию журналистской работы: *«Есть жизнь, прекрасная, мучительная, исполненная трагизма. И есть работа, которая хорошо оплачивается. Работа по созданию иной, более четкой, лишенной трагизма, гармонической жизни. На бумаге»*¹. Здесь мы видим возможно и не осознанную самим писателем связь его представлений с одной из главных философских проблем постмодернизма – проблемы симуляции и симулякров. Говорит об этом в своей книге и И. Сухих, по мнению которого, в «Компромиссе» *«газетные заметки, даже самая невинная информация, оказываются симулякрами, организованным враньем, выдающим себя за реальность»*.² Хотя, как мы говорили выше, не стоит искать святую фактическую правду и в сюжетах рассказов. Гораздо больше ее содержится в авторских отступлениях и словно случайно оброненных фразах вроде *«я газет не читаю»*³ или *«я спрятал бутылку в карман и пошел заканчивать статью на моральную тему»*⁴. Подобные фразы воспринимаются как самоуничижительная демонстрация стыдливой брезгливости к результатам своей собственной деятельности, своего рода нежелание возвращаться к совершенным «преступлениям». Ведь типичного журналиста, по словам Довлатова, характеризует *«раздвоенность и цинизм»*⁵, а его жизнь – это набор оксюморонных по своей сути действий: *«В жизни газетчика есть все, чем прекрасна жизнь любого достойного мужчины. Искренность? Газетчик искренне говорит не то, что думает. Творчество? Газетчик без конца творит, выдавая желаемое за действительное. Любовь? Газетчик нежно любит то, что не стоит любви»*⁶.

Проблемы человеческой честности и притворства наиболее ярко, на наш взгляд, подняты в кульминационном для всего сборника «Компромиссе одиннадцатом», рассказывающем историю похорон *«бессменного директора телестудии, Героя Социалистического Труда, Хуберта Вольдемаровича Ильвеса»*⁷, превратившихся в *«казенное госмероприятие, лишенное малейшей доли человеческого сочувствия»*⁸. По

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 245.

² СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 122.

³ ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 126.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Там же. С. 245.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Там же. С. 239.

⁸ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 133.

сюжету рассказа, Довлатова, который с покойным знаком не был, отправили на похороны вместо уехавшего по заданию коллеги и поручили прочесть речь, подготовленную все тем же коллегой, поскольку все надгробные речи должны были уложиться в сценарий и пройти через процедуру проверки. Газетная заметка говорит о звучавших над могилой *«торжественных словах прощания»*, об участвовавших в церемонии *«видных представителях общественности, партийных и советских работниках, коллегах покойного, сотрудниках радио, телевидения и крупнейших эстонских газет»*, о памяти, которая *«будет вечно жить в наших сердцах»*¹. Все эти штампы создают иллюзию всеобщей скорби по усопшему, возвышенный тон придает событию трагичность и в том же время торжественность. Однако сам рассказ эту иллюзию разрушает: оказывается, что в гробу лежал вовсе не Ильвес, а бухгалтер рыболовецкого колхоза, гробы перепутали, и все трогательные слова моментально становятся насквозь лживыми, а у Ильвеса, оказывается, *«в общем-то, нет родных и близких, <...> откровенно говоря, его недолюбливали»*². Довлатов, используя анекдотический по своей сути сюжет, рисует довольно нелюбимую для официоза картину всеобщей послушности и неотступного следования протоколу. Но и тут Довлатов не возвышает своего героя: ведь он также произносит над могилой теплые слова, хотя его и поглощает чувство глобальной абсурдности всего происходящего. Весь этот рассказ словно пропитан скорбью об отсутствии правды в человеческом общении, о протокольной и конъюнктурной лжи и притворстве, разъедающих непрочные границы между человечностью и бесчеловечностью.

Сборник «Компромисс» заканчивается двенадцатым по счету рассказом, который предваряет газетная заметка под заголовком *«Память – грозное оружие»*. В этом заголовке видится определенный символизм, несмотря на то, что это заголовок очередной создающей иллюзию статьи о «праведных» узниках фашистских лагерей. Человеческая память, не дающая забыть о глобальных преступлениях фашизма, не дает забыть и о преступлениях, кажущихся более мелкими: лицемерие, заведомая ложь, извращение фактов. Однако мнимая незначительность подобных «преступлений» имеет пагубные последствия. Пусть эти действия физически не отбирают у людей жизни, но они *«убивают их души»*³, лишают их возможности жить в настоящем мире, который не

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 240.

² Там же. С. 261.

³ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 135.

обволакивает клубком иллюзий, симуляций и простой человеческой лжи. Довлатов, судя по всему, вполне осознавал эту пагубность. Не зря в послесловии он прощается с журналистикой и приводит свой диалог с братом, демонстрирующий почти демоническую роль журналистики: *«На этом трагическом слове я прощаюсь с журналистикой. Хватит! Мой брат, у которого две судимости (одна – за непредумышленное убийство), часто говорит:*

– Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно?

– Тоже мне, учитель нашелся!

– Я всего лишь убил человека, – говорит мой брат, – и пытался сжечь его труп.

А ты?!»¹

Своим сборником «Компромисс» Сергей Довлатов создал интересный пример литературного произведения, в котором происходит своего рода «снятие покровов», изобличается ханжеская суть современной ему журналистско-литературной среды. Но тем не менее Довлатов остается верен своим принципам: в его книге *«нет ангелов и нет злодеев... Нет грешников и праведников нет»*, как нет их и в жизни². В его книге каждый способен ко лжи, но далеко не каждый, включая самого автора, решится на правду. Поэтому правда всегда оказывается в проигрыше, никакой из ее «вариантов» нельзя с полной уверенностью признать верным, истинным. Хотя сама попытка эту «правду» показать играет огромную роль в утверждении ценности истинно человеческой откровенности и неангажированности суждений.

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8. С. 270.

² Там же. С. 111.

«Зона. Записки надзирателя». Ann Arbor: Эрмитаж, 1982.

Обложка первого издания.

Источник:

<http://www.sergeidovlatov.com>

«Зона» – произведение во многом знаковое для личной и творческой судьбы Довлатова. В зачаточной форме книга существовала, по словам самого писателя, уже после его возвращения со службы в конвойных войсках: *«...Осенью 64-го года я появился в Ленинграде. В том же рюкзаке лежала «Зона». Перспективы были самые неясные. Начинался важнейший этап моей жизни...»*.¹ Посмотрев на год издания книги – 1982, мы, после недолгих подсчетов, заметим, что «допечатная» жизнь книги составила чуть менее 20 лет. Естественно, это не могло не отразиться на ее внутренней хронологии, структуре и стиле.

Валерий Попов в своей книге «Довлатов» придерживается точки зрения, что та «Зона», которую читатель увидел в 1982 году, – это совсем не та «Зона», рукопись которой якобы была готова у Довлатова уже в 1964 году. Говорят об этом и другие исследователи, например, Игорь Сухих. Об этом свидетельствует и множество временных аллюзий, связанных с событиями, происходившими в СССР уже во второй половине 60-х. Кроме этого, в последующие издания «Зоны» включался рассказ «Представление», действие которого разворачивается уже в 1977 году, а вышел он и вовсе в 1987 году сначала в виде отдельной публикации. За всем этим видно, что процесс работы над финальной версией «Зоны» Довлатов не прекращал даже после ее первого издания, не говоря уже о времени, предшествовавшем ему. Не обошлось тут и без определенного «вмешательства извне». В. Попов, анализируя переписку Довлатова с первым издателем книги, Игорем Ефимовым, организовавшим «под крылышком <Карла> Проффера собственное издательство «Эрмитаж»², приходит к выводу, что заслуга последнего в создании того, что впоследствии стало «Зоной», очень велика. Отчасти

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Ремесло. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Т. 3. С. 7.

² ПОПОВ, В. 2010. *Довлатов*. Москва : Молодая гвардия, 2010, 355 с. ISBN 978-5-235-03408-2. С. 316.

это отражается и в особой структуре книги: как и в случае с «Компромиссом», здесь присутствуют два слоя текста, выделенные двумя шрифтами: прямым и курсивным. Но если в «Компромиссе» курсивом давались газетные «вырезки», то в «Зоне» таким способом представлена порой вымышленная, а порой реальная переписка писателя-автобиографического героя со своим издателем, которого, что совершенно неудивительно, тоже зовут Игорь. Эти пятнадцать писем представляют собой не менее важный смысловой уровень книги. Это своего рода метатекст, авторский комментарий, непосредственно вплетенный в художественное повествование. Во многом благодаря этому приему, а также благодаря продуманному порядку следования историй, «Зона» представляет собой не сборник разрозненных рассказов, а целостное произведение, объединенное общей авторской идеей.

«Зона» не стала исключением в ряду автобиографических произведений Довлатова. Пусть даже имя и фамилия ее главного героя другие, но в образе Бориса Алиханова сложно не увидеть самого Довлатова. С точки зрения тематики, книгу можно отнести к так называемой «лагерной» прозе. В ней Довлатов отразил свой взгляд на исправительно-трудовую систему советского государства. Естественным итогом обращения к этой теме стало включение в уже устоявшуюся традицию лагерной литературы с ее дихотомией «Солженицын vs. Шаламов». Но если и Солженицын, и Шаламов на лагерь смотрели с позиции его заключенных, то Довлатов посмотрел на лагерь с обратной стороны – со стороны охранника. Из этого кардинального отличия во многом исходит и специфичность художественной идеи всей книги. Если Солженицын видел в лагере испытание для человеческой личности, а Шаламов – ее уничтожение, то для Довлатова лагерь – это лишний повод убедиться в амбивалентности окружающего мира, в практической невозможности абсолютных оценок человеческих мыслей и поступков. Вступая в одностороннюю и не слишком яростную полемику с автором «Одного дня Ивана Денисовича», Довлатов пишет в «Зоне»: *«По Солженицыну, лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами...»*¹ Подобная обращенность Довлатова к человеку как таковому, концентрация не на внешних, а на внутренних факторах человеческих радостей и бед, станет одним из лейтмотивов его произведений. В «Зоне», как и в других произведениях, среда, обстоятельства, события – это фон, на котором ярче проявляется индивидуальность каждого персонажа. При этом можно сказать, что для Довлатова важен каждый его герой, вне зависимости от того, сколько

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Зона. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Т. 2. С. 8.

процентов от всего объема текста ему посвящено. Кажется, что для Довлатова нет случайных персонажей.

В четырнадцати рассказах «Зоны», среди которых особенно известны рассказы «По прямой» (одна из первых «тамиздатовских» публикаций Довлатова) и «Представление», около 20 персонажей. «Кто-то появляется лишь в одном сюжете, кто-то, отработав свою партию, оказавшись в фокусе повествования, потом становится персонажем фона»¹. Здесь и заключенные (Мищук, Купцов), совершившие разной степени тяжести преступления, и их охранники (Петров, сам Алиханов), и некие сторонние гости, вроде залетевшего на территорию тюрьмы на вертолете Димы Маркони. Довлатов отказывается давать оценки своим героям, делить их на положительных и отрицательных, что выделяет его в традиции русской лагерно-каторжной литературы: *«Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. Между домушниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны. Между зеками-нарядчиками и чинами лагерной администрации.*

По обе стороны запретки расстилался единый и бездушный мир.

Мы говорили на одном, приклатненном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения.

<...>

Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы.

*Повторяю – это главное в лагерной жизни. Остальное – менее существенно».*²

Сам институт тюрьмы для Довлатова – это воплощение тоталитарной составляющей советского режима, причем ее внутреннее устройство, по мнению писателя, напоминает устройство советского общества: *«Лагерь представляет собой довольно точную модель государства. Причем именно Советского государства. В лагере имеется диктатура пролетариата (то есть – режим), народ (заключенные), милиция (охрана). Там есть партийный аппарат, культура, индустрия. Есть все, чему положено быть в государстве».*³ Однако Довлатов принципиально не сводит свое

---

¹ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 100.

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Зона. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 53-54.

³ Там же. С. 47.

повествование к описанию и критике среды, не ступая тем самым на зыбкую почву морализаторства и создания новых истин.

«Зона», как уже говорилось выше, стала знаковым произведением для Довлатова. По сути, это его первое «настоящее» произведение, но в то же время оно в какой-то мере стало и итоговым, ведь процесс его создания растянулся на два десятка лет, а современный вид оно приобрело всего за три года до смерти автора. В «Зоне», несмотря на остроту выбранной темы, практически нет тюремных ужасов, как нет в ней и политических манифестаций. Опираясь на весь предыдущий опыт авторов, писавших о лагерях, Довлатов одновременно вносит в тему свой особый подход. Здесь же положено и начало тому лаконичному стилю, которым впоследствии станет известен писатель.

«Заповедник». Ann Arbor: Эрмитаж, 1983.

Обложка первого издания.

Источник:

<http://www.sergeidovlatov.com>

Повесть «Заповедник» вышла в 1983 году в том же издательстве «Эрмитаж», что и «Зона». В отличие от последней, «Заповедник» – это уже не сборник рассказов, объединенных «под одной крышей», а повесть с единым сюжетом. Хотя обе книги роднят перекликающиеся названия. Зона – тюремное пространство, ограниченное запретной территорией, заповедник – пространство, ограниченное от внешних влияний, «законсервированное» с той или иной целью. Если первое слово имеет однозначно отрицательные коннотации, то со вторым словом все не так просто. Заповедник, казалось бы, должен представлять «оазис тишины и покоя»¹, но в действительности,

точнее, в повести Довлатова, все оказывается не совсем так.

Заповедник (именно с большой буквы «З»), о котором идет речь у Довлатова, – это музей-заповедник Михайловское и прилегающие к нему территории, известные как «Пушкинские Горы». Михайловское – родовое имение Пушкиных, которое сам Александр Сергеевич посещал неоднократно. Именно здесь с 1824 по 1826 гг. поэт находился в ссылке. Недалеко отсюда, на территории Святогорского монастыря, находится его могила. У этого музея-заповедника в СССР всегда был особый статус, его всегда считали главным пушкинским музеем. И именно сюда весной 1976 года приехал подработать Довлатов, так и не устроивший свою ленинградскую жизнь после возвращения из Таллинна.

Повесть «Заповедник» многие считают лучшим произведением Довлатова.² Возможно потому, что здесь с наибольшей силой проявилось его трагикомическое восприятие окружающей абсурдной действительности. Это, безусловно, самая мрачно-надрывная, эмоционально напряженная книга писателя.

¹ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 136.

² См., например, А. Генис. «Пушкин у Довлатова», передача «Игра в бисер»: <http://old.tvkultura.ru/issue.html?id=116786>

Как и в случае с «Компромиссом», одним из главных мотивов «Заповедника» становится мотив иллюзорности, фальшивости «официальной действительности». Музей вместе со своим директором, всеми работниками и не без помощи туристов создает то, что нельзя назвать иначе, как культ личности. Только объектом всеобщего обожания становится не какой-нибудь политик-диктатор, а «главный русский поэт» Пушкин. С целью поддержания этого культа приносятся самые разные жертвы, в угоду ему работники музея идут против исторической и человеческой правды. «Любимые блюда и стаканы, портреты и липовые аллеи оказываются симулякрами, «новоделами», театральными декорациями, выдумками, выдающими себя за правду».¹ На элементарные вопросы главного героя о том, что в музее подлинное, он так и не получает вразумительных ответов: *«Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея – подлинные?»*

– Разве это важно?

– Мне кажется – да. Ведь музей – не театр.

– Здесь все подлинное. Река, холмы, деревья – сверстники Пушкина. Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...

– Речь об экспонатах музея, – перебил я, – большинство из них комментируется в методичке уклончиво: «Посуда, обнаруженная на территории имения...»

– Что, конкретно, вас интересует? Что бы вы хотели увидеть?

– Ну, личные вещи... Если таковые имеются...

– Кому вы адресуете свои претензии?

– Да какие же могут быть претензии?! И тем более – к вам! Я только спросил...

– Личные вещи Пушкина?.. Музей создавался через десятки лет после его гибели...

– Так, – говорю, – всегда и получается. Сперва угробят человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи. Так было с Достоевским, с Есениным... Так будет с Пастернаком. Опомнятся – начнут искать личные вещи Солженицына...»²

Александр Генис по этому поводу говорит следующее: «Довлатов изображает Заповедник русским Диснейлендом. Тут нет и не может быть ничего подлинного. Завод по производству фантомов, Заповедник заражает всю окружающую его среду».¹

---

¹ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 141.

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Заповедник. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 227-228.

Поддержанию «культа Пушкина» помогают и толпы туристов, регулярно посещающих Заповедник. Довлатов и тут не щадит никого. Туристы у него изображены людьми, зачастую оказавшимися в Михайловском не из любви к творчеству писателя, а потому что была лишняя путевка, что ехало все предприятие, что когда-то в школе учили наизусть стихотворение. Этим «ценителям» легко цитировать Есенина вместо Пушкина, выдавать собственные домыслы за факты.

«Наконец я отважился приступить к работе. Мне досталась группа туристов из Прибалтики. Это были сдержанные, дисциплинированные люди. Удовлетворенно слушали, вопросов не задавали. Я старался говорить коротко и не был уверен, что меня понимают.

Впоследствии меня обстоятельно проинструктировали. Туристы из Риги – самые воспитанные. Что ни скажи, кивают и улыбаются. Если задают вопросы, то, как говорится, по хозяйству. Сколько было у Пушкина крепостных? Какой доход приносило Михайловское? Во что обошелся ремонт господского дома?

Кавказцы ведут себя иначе. Они вообще не слушают. Беседуют между собой и хохочут. По дороге в Тригорское любовно смотрят на овец. Очевидно, различают в них потенциальный шашлык. Если задают вопросы, то совершенно неожиданные. Например:

«Из-за чего была дуэль у Пушкина с Лермонтовым?»²

Среди всей массы туристов, конечно, встречаются и эрудированные представители, ставящие в неудобное положение даже экскурсоводов. Над ними Довлатов предпочитает иронизировать.

Борис Алиханов – протагонист книги, имя которого позаимствовано из «Зоны», приезжает в музей в надежде заработать. Не лишен он и определенных иллюзий, связанных с особой «поэтичностью» мест. Однако на деле оказывается, что «пушкинские» места превратились в еще одно советское заведение со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но Довлатов, следуя своей принципиальной творческой позиции, не ставит своего героя в полную оппозицию окружающей его среде. Игорь Сухих пишет: «Ну, хорошо: туристы отвратительны; толпа превратила «народную тропу» в вытопанную поляну; служители культа претенциозны и недалеки, повторяют, как попугаи, слова о великом поэте и великом гражданине, убитом по

---

¹ ГЕНИС, А. 1999. *Пушкин у Довлатова*. [online] [cit. 14.01.2013] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/genis2.html>

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Заповедник. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 233-234.

указке самодержавия рукой великосветского шкоды; все происходящее покрыто густым слоем пошлости... Но ведь и сам Алиханов не только вклеивает в экскурсию есенинские стихи, но и соглашается играть по предложенным в этом заповедном пространстве правилам».¹ Алиханов быстро учится «играть любовь» к Пушкину, не рассуждая повторять механически заученные фразы, «*симулировать взволнованную импровизацию*».²

Как уже говорилось выше, «Заповедник» – крайне напряженная с эмоциональной точки зрения книга. «Герой «Заповедника» живет с постоянным ощущением тупика, краха, катастрофы».³ Вся его жизнь оказывается поглощенной в болоте абсурдной и изматывающей действительности. Одной из основных тем становятся и тяжелые отношения героя со своей семьей. Жена Алиханова, которую Довлатов назвал, словно в угоду «пушкинской теме», Татьяной, собирается в эмиграцию вместе с дочерью. Зовут они и Алиханова, который, тем не менее, в эмиграции видит не возможность начать жить заново, а свою «писательскую смерть». Показателен в этом отношении следующий диалог Алиханова и Тани:

«– Мне надоело. Надоело стоять в очередях за всякой дрянью. Надоело ходить в рваных чулках. Надоело радоваться говяжьим сарделькам... Что тебя удерживает? Эрмитаж, Нева, березы?»

– Березы меня совершенно не волнуют.

– Так что же?

*– Язык. На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать. Одно это меня в ужас приводит».*⁴

Однако страх перед потерей индивидуальности, видимо, оказался слабее страха прозябания. Поэтому «Заповедник» и предваряет посвящение: «Моей жене, которая была права».⁵

Отвлекаясь от образа Алиханова и его личной судьбы, можно сказать, что в «Заповеднике» Довлатову удалось создать целую галерею ярких образов, начиная

---

¹ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 144

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Заповедник. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 276

³ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 147

⁴ ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Заповедник. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 247

⁵ Там же. Стр.197

деревенским пьяницей с особой философией Михал Иванычем и заканчивая диссидентствующим майором КГБ Беляевым. Все эти образы объединяет одна черта: отсутствие жизненной устроенности. К каждому из этих «чудаков»¹ Довлатов подходит со всем вниманием, присваивая каждому свою деталь и место в сюжете. Александр Генис, говоря о довлатовских героях, приводит в сравнение классический японский сад камней: «В довлатовской прозе персонажи, как причудливые глыбы в саду камней, живут каждый сам по себе. Их объединяет лишь то, что с ними ничего нельзя сделать, в том числе – понять».²

Посмертная слава Довлатова, невероятная популярность его книг у постсоветского читателя привели к тому, что сейчас туристы, читавшие «Заповедник», нередко приезжают в Михайловское, чтобы походить скорее по «довлатовским», нежели по «пушкинским» местам. Даже если эти «места» выглядят так:

Дом, в котором жил Довлатов, во время работы экскурсоводом в Пушкинском заповеднике (деревня Березино)³

---

¹ ГЕНИС, А. 1999. *Пушкин у Довлатова*. [online] [cit. 14.01.2013] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/genis2.html>

² Там же.

³ Источник: http://strana.ru/media/images/uploaded/gallery_promo21074825.jpg

«Наши». Ann Arbor: Ardis, 1983.

Обложка первого издания.
Источник: <http://gudovlatov.livejournal.com>

Сборник «Наши», вышедший под маркой «Ардис» в 1983 году, также стал одним из центральных произведений Довлатова. Об этом говорит хотя бы тот факт, что из десяти рассказов Довлатова, напечатанных по-английски в «The New Yorker», пять взято из «Наших».

Довлатов задумал «Наших» как «семейный альбом», только не фотографический, а прозаический. Именно эта центральная идея и определила структуру сборника.

О замысле и процессе создания книги Довлатов писал Игорю Ефимову в ноябре 1982 года: «Литературные дела обстоят так. Я закончил такую семейную хронику, под названием «Наши», это история семьи + политика, война, государство и некоторая философия жизни. В общем, через семью показаны более крупные вещи. Я давно уже пишу это все, и сначала мне очень не нравилось, а потом я вдруг написал три более удачные главы: про отца, про брата и про Лену. И все это дело несколько выровнялось. Во всяком случае Петя и Саша (*Петр Вайль и Александр Генис – прим. И.П.*) говорят, что это – явно лучшее из написанного мной».¹

Книга представляет собой собрание тринадцати глав, в которых Довлатов выборочно воссоздает свое «генеалогическое древо». Начинает он своими дедами. О них Довлатов рассказывает практически с былинно-мифологическим пафосом. Дед Исаак предстает кем-то вроде античного атланта еврейских кровей: «...мой дед пошел на войну. Началась японская кампания. На одной из армейских смотров его заметил государь. Росту дед был около семи футов. Он мог положить в рот целое яблоко. Усы его достигали погон. <...> Деда сразу перевели в гвардию. Он был там чуть ли не единственным семитом. Зачислили его в артиллерийскую батарею. Если лошади

¹ Из письма Довлатова Ефимову от 24 ноября 1982 года. Источник: <http://www.sergeidovlatov.com/books/efimov-8.html>

*выбивались из сил, дед тащил по болоту орудие».*¹ У этого «богатыря» было, как в сказке, три сына, судьба всех их сложилась совершенно по-разному.

Второй дед также представлен в мифологическом, гиперболизированном духе, правда, с кавказским оттенком: *«Дед по материнской линии отличался весьма суровым нравом. Даже на Кавказе его считали вспыльчивым человеком. Жена и дети трепетали от его взгляда».*

Если что-то раздражало деда, он хмурил брови и низким голосом восклицал:

– АБАНАМАТ!

Это таинственное слово буквально парализовало окружающих. Внушало им мистический ужас.

– АБАНАМАТ! – восклицал дед.

*И в доме наступала полнейшая тишина».*²

По мере передвижения вверх по «генеалогическому дереву» персонажи довлатовского семейного альбома постепенно мельчают, становятся ближе, их достоинства и недостатки становятся гораздо «человечнее» и «реальнее», проблемы – понятнее, некоторые поступки – абсурднее. «Время в «Наших» движется от мифа к истории, а от нее – к быту, к эмансипации частной жизни».³

От «старейшин» Довлатов переходит к дядьям, тетке, мужу тетки, матери, отцу, брату, жене. Читатель, например, узнает об эмигрировавшем в Бельгию дяде Леопольде, из-за которого расстреляли деда Исаака, или о двоюродном брате, которого *«жизнь превратила в <...> уголовника»*, что Довлатов расценивает как удачу, *«иначе он неминуемо стал бы крупным партийным функционером».*⁴ Отдельной главы удостоилась и собака Глаша, которая в «Наших» названа *«единственным нормальным членом семьи».*⁵

Несмотря на обилие историй и персонажей, курьезных и трагических происшествий, к концу «Наших» становится ясно, что главный герой у книги все же есть, пусть и не всегда присутствующий в повествовании. Говоря о своих родственниках, Довлатов в немалой степени говорит о себе. О том, что осталось в нем от дедов, отца и матери, о том, что всегда отличало его от его брата и что в итоге

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Наши. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 328.

² Там же. С. 332.

³ СУХИХ, И. Довлатов. С. 166.

⁴ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Наши. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 391.

⁵ Там же. С. 414.

сблизило его с ним, о том, что ему проще найти общий язык с незнакомцем, чем с собственным дядей, живущим в Бельгии. Александр Генис в своей книге «Довлатов и окрестности» пишет: «Как и остальные сочинения Довлатова, «Наши» – книга эгоцентрическая. Но если раньше Сергей изображал других через себя, то тут он через других показывал себя. Я думаю, в «Наших» Сергей искал доказательства генетической неизбежности своей судьбы».¹

Если «Компромисс» был цинично-скептическим «срыванием покровов» с официальной реальности и своей роли в ней, «Заповедник» – мрачной, почти мизантропической исповедью, отразившей борьбу со многими внутренними «бесами», то в «Наших» Довлатов куда более уравновешен, спокоен, почти сентиментален и даже более эпичен.

«Наши» заканчиваются короткой 13-ой главой, написанной специально для книжного издания. В ней рассказывается о самом младшем члене семьи Довлатовых:

«Перед вами – история моего семейства. Надеюсь, она достаточно заурядна. Мне осталось добавить лишь несколько слов. 23 декабря 1981 года в Нью-Йорке родился мой сынок. Он американец, гражданин Соединенных Штатов. Зовут его – представьте себе – мистер Николас Доули.

*Это то, к чему пришла моя семья и наша родина».*²

Подобное нерадостное заключение «звучит как упрек, как приговор, как неизжитая обида»³ по отношению к отторгнувшей писателя «родине». Тему своего непростого расставания с Россией Довлатов продолжит в «Чемодане».

---

¹ ГЕНИС, А. Частный случай. С. 181.

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. Наши. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 2. С. 444.

³ СУХИХ, И. Довлатов. С. 168.

«Чемодан». Tenaflы: Эрмитаж, 1986.

Обложка первого издания.
Источник:
<http://www.sergeidovlatov.com>

В середине 1980-х организованное Игорем Ефимовым (которого к тому времени уволил из «Ардиса» Карл Проффер) издательство «Эрмитаж» переезжает в городок Тенафлай (Tenaflы), пригород Нью-Йорка. И именно здесь в 1986 году вышел следующий довлатовский сборник «Чемодан».

Для «Чемодана» Довлатов снова выбрал объединяющий композиционный мотив. На этот раз им стало якобы уместившееся в один чемодан «наследие», с которым писатель уехал в эмиграцию. Каждая из вещей, находящихся в чемодане, неразрывно связана с целым рядом воспоминаний, личных переживаний, которые

и составляют сюжетную основу рассказов сборника. Довлатов снова вовлекает читателя в свою игру «было это на самом деле или нет», рассказывая, например, уже третью версию своего знакомства с женой, коренным образом отличающуюся от историй, рассказанных в «Заповеднике» и «Наших». Это лишний раз демонстрирует специфичность довлатовского художественного принципа, руководствуясь которым он из любого события своей или чужой жизни выстраивал прозу, при этом совершенно не стремился воспроизвести событие с документальной точностью, а использовал его как «повод для разговора», приукрашивая его новыми деталями, переставляя акценты, включая в него новые имена или просто изменяя старые.

В состав сборника «Чемодан», помимо предисловия, раскрывающего замысел всего произведения, вошли рассказы «Креповые финские носки», «Номенклатурные полуботинки», «Приличный двубортный костюм», «Офицерский ремень», «Куртка Фернана Леже», «Поплиновая рубашка», «Зимняя шапка», «Шоферские перчатки». Если посмотреть на все эти предметы одежды, то не сложно увидеть, что они в принципе составляют полный гардероб, от носков до шапки и перчаток. Довлатов словно «собирает себя по кусочкам», komponуя свое «прозаическое тело» из историй и

воспоминаний, навеянных тем или иным предметом одежды. Эти вещи как будто делают видимым «человека-невидимку».¹

В какой-то мере можно сказать, что в «Чемодане» доминирует атмосфера подведения итогов. По сути это было последнее «большое» произведение Довлатова, основанное исключительно на эпизодах из жизни писателя до эмиграции. Далее будут только «Иностранка» и «Филиал», в которых в большей степени отражен довольно длительный к тому времени эмигрантский опыт Довлатова. «Итоговость» сборника отражается уже во взятом из стихотворения Блока и слегка измененном эпиграфе, словно подхватывающем финал «Наших», только уже с другой, прощающей, интонацией: «...Но и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне...».² «Чемодан» стал книгой «о личностных смыслах вещей, которые стали этапами судьбы и воспоминание о «такой России».³

В рассказах сборника можно выделить несколько характерных для довлатовской прозы уровней: общеисторический уровень (постоянные отсылки к реалиям и событиям советского времени), лично-исторический уровень (воспоминания о главных событиях своей жизни в контексте событий и характера эпохи), интимно-личностный уровень (чувства и переживания), общечеловеческий уровень (хотя и старательно замаскированный под довлатовский «эгоцентризм»).

В «Креповых носках», например, Довлатов искусно изображает, с одной стороны дефицитный Ленинград своей молодости, с его черным рынком и фарцовщиками, с другой стороны – историю своей первой любви, и переживания с ней связанные, свой первый неудачный опыт в роли фарцовщика. Однако делится он и наблюдениями общего характера, представляющими собой краткие вкрапления универсального характера: «*Всех людей можно разделить на две категории. На тех, кто спрашивает. И на тех, кто отвечает. На тех, кто задает вопросы. И на тех, кто с раздражением хмурится в ответ. <...> Большинство людей считает неразрешимыми те проблемы, решение которых мало их устраивает. И они без конца задают вопросы, хотя правдивые ответы им совершенно не требуются...*»⁴

---

¹ ГЕНИС, А. *Частный случай: филологическая проза*. Москва : АСТ : Астрель, 2009, 445 с. ISBN 978-5-17-058835-0. С. 179.

² ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Чемодан. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 347.

³ СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3. С. 173.

⁴ ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Чемодан. Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 352.

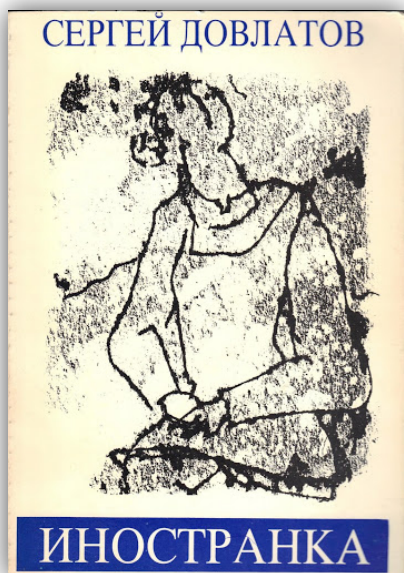
В «Номенклатурных ботинках» отражается помпезность советских официальных церемоний и одновременно их неприглядное закулисье, одновременно мы узнаем о ранее не освещенном этапе «рабочей» жизни Довлатова в качестве помощника скульптора-монументалиста. «Офицерский ремень» возвращает читателя к временам «Зоны», снова демонстрируя лишь очень приблизительную границу между надзирателями и заключенными. «Куртка Фернана Леже», «Поплиновая рубашка», «Зимняя шапка» – семейно-дружеские истории, пропитанные особой сентиментальностью в духе «Наших». В «Поплиновой рубашке» Довлатов как никогда чувственен в рассказах о своих «странных» отношениях с женой. Последний и наиболее абсурдистский рассказ сборника – «Шоферские перчатки», рассказывает о так и не снятом фильме о визите Петра Великого (в исполнении Довлатова) в основанный им город, но уже советского времени.

Чемодан у Довлатова сознательно перерастает свой буквальный смысл и становится образом-символом, символом отъезда. Вывезенные вещи, лежащие в чемоданах, когда-то виделись действительно важными, но постепенно становились скорее напоминанием о том, что осталось «там», что было невозможно вывезти – молодость, некую другую жизнь. «Чемоданы были у всех. В них мы увозили свое причудливое, никому не нужное имущество. <...> В Америке чемоданы, вываливаясь из кладовок, дольше другого напоминали об отъезде. Огромные, помятые, дешевые, они преследовали нас, как русские сны».¹

---

¹ ГЕНИС, А. *Частный случай: филологическая проза*. Москва : АСТ : Астрель, 2009, 445 с. ISBN 978-5-17-058835-0. С. 178.

«Иностранка». New York: Russica Publishers, 1986.

Обложка первого издания.
Источник: <http://ru-dovlatov.livejournal.com>

«Иностранка» – это, пожалуй, самая «американская» книга Довлатова. Однако Америка здесь представлена в подавляющем большинстве случаев отнюдь не американцами, а все-таки русскоязычными эмигрантами.

В «Иностранке» Довлатов отошел от модели сборника рассказов, вернувшись к форме повести с относительно линейным сюжетом, наподобие «Заповедника». Принципиально иным образом Довлатов подошел и к главному персонажу произведения. Если раньше им практически всегда был автор-рассказчик, то теперь Довлатов изменил себе и ввел в сюжет

«главного героя». Хотя в этом случае, конечно, «героиню», поскольку ей стала Маруся Татарович. Именно вокруг ее образа и строится повествование. Маруся – дочь вполне успешных советских чиновников, которая, тем не менее, в определенный момент предпочла эмигрировать, без особых на то причин.

Однако Довлатов не сразу сосредоточивает все внимание на своей героине. В экспозиции читателю сначала представляются довольно колоритные зарисовки быта советской эмиграции в Америке: *«Мы – это шесть кирпичных зданий вокруг супермаркета, населенных преимущественно русскими. То есть недавними советскими гражданами. Или, как пишут газеты – эмигрантами Третьей волны. Наш район тянется от железнодорожного полотна до синагоги. Чуть севернее – Мидоу-озеро, южнее – Квинс-бульвар. А мы – посередине. 108-я улица – наша центральная магистраль. У нас есть русские магазины, детские сады, фотоателье и парикмахерские. Есть русское бюро путешествий. Есть русские адвокаты, писатели, врачи и торговцы недвижимостью. Есть русские гангстеры, сумасшедшие и проститутки. Есть даже русский слепой музыкант. Местных жителей у нас считают чем-то вроде иностранцев. Если мы слышим английскую речь, то настораживаемся. <...> К американцам мы испытываем сложное чувство. Даже не*

знаю, чего в нем больше – снисходительности или благоговения. Мы их жалеем, как неразумных беспечных детей. <... > Помимо евреев в нашем районе живут корейцы, индусы, арабы. Чернокожих у нас сравнительно мало. Латиноамериканцев больше. Для нас это загадочные люди с транзисторами. Мы их не знаем. Однако на всякий случай презираем и боимся. Косая Фрида выражает недовольство:

– Ехали бы в свою паршивую Африку!..

Сама Фрида родом из города Шклова. Жить предпочитает в Нью-Йорке...»¹

Далее следует целая галерея местных «чудаков», каждого со своей судьбой и своими странностями. Довлатов пишет об эмигрантской среде с определенной долей снисхождения, а порой и довольно критично, показывая никуда не исчезнувшее после эмиграции мещанство, ханжество и лицемерие. Эмигрантское окружение Довлатова порой видится какой-то небольшой деревенькой, где все друг друга знают, обсуждают и осуждают.

Образ жизни Маруси Татарович, оказавшейся в эмиграции, часто вызывает пересуды и всеобщую критику. Окружающие никак не могут смириться с тем, что ей удается, особо не работая, жить и ни в чем себе не отказывать. Их возмущает то, что она связала свою жизнь с полубезумным и малообразованным латиноамериканцем Рафаэлем, приверженцем идей социализма, но ничего не знающим о жизни в СССР. Они негодуют из-за связей Маруси с советским посольством и ее желанием вернуться на родину.

В определенный момент судьбы автора-рассказчика и Маруси пересекаются. Так на сцене снова появляется сам Довлатов. Его возвращение словно ставит все на свои места. Довлатов настолько приучил читателя к тому, что он так или иначе пишет о себе, что вся сюжетная линия «Иностранки», разворачивающаяся вокруг главной героини, кажется неестественной. В финале Довлатов и вовсе вступает в повествование не только как герой, но и как автор, впервые разрушая иллюзию «правдивости» своей прозы: «Муся! <... > Ты – персонаж, я – автор. Ты – моя причуда. Все, что слышишь, я произношу. Все, что случилось, мною пережито. Я – мстительный, приниженный, бездарный, злой, какой угодно – автор.

Те, кого я знал, живут во мне. Они – моя неврастения, злость, апломб, беспечность. И т. д. <... >

Я – автор, вы – мои герои. И живых я не любил бы вас так сильно».¹

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Иностранка. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 215-216.

«Иностранку» принято считать «неудачным» произведением Довлатова. Естественно, это вопрос вкуса и предпочтений. Сам автор был беспощаден к себе, называя эту повесть не иначе, как «г****».² Александр Генис тоже высказался довольно резко: «Она («Иностранка») слишком напоминает кинокомедию. ...Книги из «Иностранки» не вышло. Сюжет ее заменяет ретроспектива и суматошная кутерьма. Лучшее тут – галерея эмигрантских типов, написанных углем с желчью».³

Возможно, отход от событий своей доэмигрантской жизни сыграл с Довлатовым злую шутку и не совсем поддался писателю. Хотя с другой стороны повесть могла наметить потенциально новый путь развития довлатовской прозы: от псеводокументализма к классическому художественному вымыслу. Но даже если так, то этому переходу уже не суждено было осуществиться.

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Иностранка. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 3. С. 343-344.

² ПОПОВ, В. 2010. *Довлатов*. Москва : Молодая гвардия, 2010, 355 с. ISBN 978-5-235-03408-2. С. 331.

³ ГЕНИС, А. *Частный случай: филологическая проза*. Москва : АСТ : Астрель, 2009, 445 с. ISBN 978-5-17-058835-0. С. 172.

«Филиал». Ленинград: Звезда, № 10, 1989.

**Обложка первого американского издания.
Источник: <http://ru-dovlatov.livejournal.com>**

«Филиал» вышел в период «возвращения» прозы Довлатова на родину. Это единственный полноценный и аутентичный текст Довлатова, вышедший в СССР раньше, чем в США. Его полный текст, готовый к ноябрю 1987 года, был опубликован в советском журнале «Звезда» в 1989 году. «Филиал» стал также последним крупным произведением прозаика. В США он вышел спустя несколько недель после смерти писателя.

В «Филиале» Довлатов разрабатывает две основные линии. Формально отправной точкой сюжета стала командировка главного героя, на этот раз Далматова, на конференцию представителей

Третьей волны эмиграции в Лос-Анджелес. Довлатов снова работает с реальным материалом. Мы уже упоминали ранее эту конференцию (см. раздел I), проходившую в 1981 году и собравшую весь «свет» третьей эмиграции (за исключением Солженицына, Максимова и Бродского). Заменяя реальные имена вымышленными, укрупняя, а порой и гиперболизируя образы своих современников и коллег, Довлатов без особых приукрашиваний демонстрирует неоднозначность ситуации в русской эмиграции. На деле оказывается, что многие споры, разделение писателей на какие-то мнимые лагеря, борьба за лидерство, «эмигрировали» вместе с ними на новую «родину». В довлатовской повести участники встречи «Новая Россия» всерьез выбирают лидеров будущей России, собираются создавать новую, единственно правильную партию, как будто одной «главной» партии им в своей жизни не хватило. Довлатов, без лишнего морализаторства, демонстрирует лишь очень тонкую грань между «коммунистами» и «антикоммунистами», становящуюся еще более тонкой в процессе таких дискуссий.

Название повести – «Филиал» – не менее символично, чем «Чемодан». Именно так эмиграция характеризовала себя в отношении к метрополии: *«На заседании общественно-политической секции выступал Аркадий Фогельсон, редактор ежемесячного журнала «Наши дни». Говорил Фогельсон примерно то же, что и все*

остальные. А именно, что «Советы переживают кризис». Что эмиграция есть «лаборатория свободы». Или там – «филиал будущей России». Затем что-то о «нашей миссии». Об «исторической роли»...»¹; «Все единодушно признали, что Запад обречен, ибо утратил традиционные христианские ценности. Все охотно согласилось, что Россия – государство будущего, ибо прошлое ее ужасающе, а настоящее туманно. Наконец все дружно решили, что эмиграция – ее достойный филиал».²

Мощным противовесом изображению мира третьей эмиграции, претендующим на главенствующее значение, выглядит, однако, вторая сюжетная линия «Филиала». В отеле Лос-Анджелеса Далматов встречается со своей первой женой, Тасей. В связи с этим в композиции сборника появляется новый, ретроспективный, план. Далматов рассказывает обо всех перипетиях своих отношений с первой любовью, о своих страданиях, обоснованной и необоснованной ревности, ссорах и расставании. Встреча с человеком из прошлого, казалось бы, уже забытым, навевает, подобно вещам из «Чемодана», целый шквал воспоминаний. Далматов признается, что Тася никуда не исчезала из его жизни, что весь спектр чувств оставался в нем спустя многие годы.

Валерий Попов в своей книге «Довлатов» высказал предположение, что Довлатов «Филиалом» «отомстил литературной братии и главному врагу, мучившему его всю жизнь, – Асе (Ася Пекуровская, первая жена Довлатова)».³ Слово «месть» в отношении «Филиала» видится слишком резким и, наверное, даже несправедливым. Конечно, отношения Довлатова с литературным окружением никогда не складывались гладко, а его отношения с первой женой не были образцовым (Ася Пекуровская даже написала книгу «Когда случилось петь С.Д. и мне»⁴, где не слишком лестно отзывалась о талантах Довлатова), но «Филиал» все же о чем-то другом. Он о частой абсурдности вещей, происходящих в мире, о встречах и расставаниях, о любви и безразличии. Это еще и самая сентиментальная книга Довлатова, в которой он словно бы в последний раз признался в любви ко всем близким:

«– Вот слушай. Ты, конечно, думаешь, что я обыкновенный жалкий эмигрант. Неудачник с претензиями. Как говорится, из бывших...

– Ну вот, опять... Зачем ты это говоришь?

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Филиал. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 4. С. 82.

² Там же. С. 138.

³ ПОПОВ, В. 2010. *Довлатов*. Москва : Молодая гвардия, 2010, 355 с. ISBN 978-5-235-03408-2. Стр. 333-334.

⁴ ПЕКУРОВСКАЯ, А. *Когда случилось петь С.Д. и мне*. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2001, 432 С. ISBN 5-89091-160-0.

– Знаешь, кто я такой на самом деле?

– Ну, кто? – спросила дочь, чуть заметно раздражаясь.

– Сейчас узнаешь.

– Ну?

Я сделал паузу и торжественно выговорил:

– Я... Слушай меня внимательно... Я – чемпион Америки. Знаешь, по какому виду спорта?

– О Господи... Ну, по какому?

– Я – чемпион Америки... Чемпион Соединенных Штатов Америки – по любви к тебе!..»¹

Собрание сочинений Довлатова умещается в 4 тома, набранных не самым мелким шрифтом. С крупными жанровыми формами отношения у него не складывались, «большого романа» он так и не написал. Но в своей краткости ему удалось запечатлеть целую летопись «последнего советского поколения»², его творчество, несмотря на насыщенность давно ушедшими из жизни явлениями и порой никому не известными типажам, по-прежнему находит отклик у читателей разных поколений с совершенно разным «культурно-историческим фоном».

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. 2011. Филиал. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. ISBN 978-5-389-02259-1. Том 4. С. 130-131.

² ГЕНИС, А. *Частный случай: филологическая проза*. Москва : АСТ : Астрель, 2009, 445 с. ISBN 978-5-17-058835-0. С. 17.

VI. ДОВЛАТОВ-ЖУРНАЛИСТ

Редакция газеты «Новый американец», 1980 г. Фото Анатолия Пронина. Источник: <http://www.sergeidovlatov.com>

Все годы жизни в Нью-Йорке Довлатов совмещал литературное творчество с работой журналиста. Сразу после приезда в Америку Довлатов направился в газету «Новое Русское Слово», где в то время уже работала его жена Елена. Но довольно быстро Довлатов с группой своих знакомых пришли к мысли, что «Новое Русское Слово» устарело и с идеологической, и с языково-стилистической точки зрения. Совместно было принято решение о создании новой газеты, получившей название «Новый Американец». История этой газеты полна противоречий, существуют разные точки зрения на то, кто и как ее создавал, когда и почему она

перестала существовать. С «Новым Американцем» связано и множество историй о тяжелом характере Сергея Довлатова, его мизантропии. Очень подробно история газеты, с акцентом на «злодеяния» Довлатова, рассказывается в работе «Блеск и нищета «Нового Американца»¹, которую написали Александра Орлова и Мария Шнеерсон, бывшие работницы газеты.

В первую редакцию газеты входили Борис Меттер (племянник известного писателя Израиля Меттера), Алексей Орлов (спортивный журналист), Евгений Рубин (спортивный журналист), впоследствии к ним примкнул и Довлатов.

Первый номер «Нового американца» вышел 8 февраля 1980 года. Довлатов тогда руководил культурной секцией. Газета сразу пришлась по душе читателям Третьей волны эмиграции. «Новый Американец» предложил им то, что не могло предложить «Новое Русское Слово», – оригинальный и, главное, неформальный стиль, живое общение, интересное оформление. «Новый Американец» говорил с ними на их же

---

¹ ОРЛОВА, А. – ШНЕЕРСОН, М. 2002. Блеск и нищета «Нового Американца». In: *Журнал вестник*, № 10-15, 2002. [online] [cit. 02.12.2012] Dostupné na internete: <http://www.vestnik.com/issues/2002/0515/koi/orlova.htm>

языке. Газета стала выходить еженедельно. Начиная с тринадцатого номера, Довлатов

становится главным редактором «Нового Американца». Также в редакцию входили Петр Вайль, Александр Генис, Фридрих Незнанский (ставший впоследствии известным автором детективных романов) и др. Начиная с четырнадцатого номера, в «Новом Американце» стали появляться колонки редактора, которые стали одной из «изюминок» газеты. Кроме колонок, Довлатов печатает статьи, эссе, беседы с известными людьми.¹

Один из номеров газеты «Новый Американец».

Впоследствии колонки Довлатова были опубликованы в сборнике под названием «Марш одиноких». Довлатовские колонки были посвящены самым разным темам: от недовольства американскими

спичками до ситуации вокруг Израиля. Часто его критиковали за «легковесность» его статей, за неуместную игривость, особенно во времена серьезных мировых событий. Однако именно эти колонки во многом определяли общую доверительную интонацию всей газеты.

Довлатов проработал в газете до 1981 года. Все это время газета жестко конкурировала с газетой «Новое Русское Слово». Редактор последней, Андрей Седых, крайне негативно относился к новому изданию. Это противостояние часто выплескивалось на первые полосы обеих газет. В одном из номеров «Новый Американец» было опубликовано открытое письмо Довлатова, адресованное Седых: *«Чем мы так досадили Вам, господин Седых? Я могу ответить на этот вопрос. Мы досадили Вам фактом нашего существования. До 70-го года в эмиграции царил относительный порядок, отишумели прения и споры, распределились должности и звания, лавровые венки повисли на заслуженных шеях. Затем накатил Третья волна. Как и всякая человеческая общность мы разнородны, среди нас есть грешники и*

¹ ОРЛОВА, А. – ШНЕЕРСОН, М. 2002. Блеск и нищета «Нового Американца». In: *Журнал вестник*, № 10-15, 2002. [online] [cit. 02.12.2012] Dostupné na internete: <http://www.vestnik.com/issues/2002/0515/koi/orlova.htm>

праведники, светила математики и герои черного рынка, скрипачи и наркоманы, диссиденты и работники партаппарата, бывшие заключенные и бывшие прокуроры, евреи, православные, мусульмане и дзэн-буддисты. При этом в нас много общего – наш тоталитарный опыт, болезненная чувствительность к демагогии, идиосинкразия к пропаганде, неверие в риторику. И пороки у нас общие: нравственная и политическая дезориентация, жизнестойкость, переходящая в агрессию, то и дело проявляющаяся неразборчивость в средствах. В нас густо замешано хорошее и плохое, как и в любой человеческой общности».¹

Уход Довлатова из «Нового Американца» был связан со множеством ссор, взаимных обид и закулисных интриг. Без его участия газета продолжала выходить до 1983 года, прекратив свое существование в том виде, который пришелся по душе читателям, после ухода из нее П. Вайля и А. Гениса.

История «Нового Американца», художественно адаптированная Довлатовым, нашла отражение во второй части его сборника «Ремесло» под названием «Невидимая газета».

Весь «нью-йоркский» период жизни Довлатова был также связан с работой на легендарном «Радио Свобода» (Radio Liberty). На радио он проработал много лет и успел полюбить слушателей. «У Довлатова был на редкость подходящий для радио голос. Сергей задушевно, как Марк Бернес, почти шептал в микрофон».²

Довлатов непосредственно участвовал в создании двух программ: общекультурной программы «Поверх барьеров» и персональной программы «Писатель у микрофона».³ Свою работу на радио Довлатов, по свидетельствам друзей и коллег, не воспринимал серьезно, считал ее «халтурой». Однако все сходится во мнении, что к своим материалам он подходил ответственно, хоть и считал «скрипты» для радио испорченными рассказами.

В повести «Филиал» Довлатов изобразил редакцию «Радио Свобода» в не лучшем свете, несмотря на то что там работали его друзья Петр Вайль и Александр Генис. По этому поводу Александр Генис пишет: «Как всегда у Довлатова, это верно только отчасти. На самом деле нью-йоркская Свобода времен Довлатова, как раньше – редакция газеты „Новый американец“, быстро превратилась в клуб, где посторонних

---

¹ ТОЛСТОЙ, И. 2009. «Новое Русское Слово» - конец легенды. [online] [cit. 14.01.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1740312.html>

² ГЕНИС, А. 2006. Сергей Довлатов на Радио Свобода. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/article/263239.html>

³ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. Довлатов. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 405.

толпилось больше, чем своих. Однако писать спустя рукава далеко не просто, поэтому для радио Сергей придумал особый жанр. Он говорил не о прошлом и, тем более, не о будущем, а о настоящем России. История позволяет раскрывать загадки, политика – их загадывать: будущее, мол, покажет. О настоящем остается рассказывать только то, что и так все знают. Этим-то Довлатов и занимался. Оставив другим диссидентов, евреев и происки Политбюро, Сергей, например, сравнивал алкоголиков с бомжами».¹

Работа на радио сыграла не последнюю роль в той популярности, которую Довлатов приобрел у себя на родине, ведь его голос можно было услышать, пусть и сквозь помехи, даже в горах Тянь-Шань.²

В последние годы жизни Сергей Довлатов при поддержке Иосифа Бродского также участвовал в создании журнала «Слово-Word», которые и сегодня выходит в Нью-Йорке под эгидой «Центра Культуры Эмигрантов из бывшего Советского союза». «Главной целью основателей было помогать художественным словом взаимопониманию между людьми».³ Журнал печатал и печатает как произведения проверенных временем мастеров (Довлатов, Бродский, Битов, Горенштейн, Синявский, Коржавин, Рубина), так и произведения молодых, неизвестных авторов.

Довлатов-журналист, как несложно заметить, оставил отнюдь не малый след в журналистской истории третьей эмиграции в Америке. Пусть работа в СМИ не воспринималась писателем как основное занятие, а скорее как средство заработка, но его стиль и мировоззрение и здесь нашли свое отражение и представляют порой не меньший интерес, чем его литературное творчество.

---

¹ ГЕНИС, А. 2006. *Сергей Довлатов на Радио Свобода*. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/article/263239.html>

² КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 406.

³ *Журнал «Слово-Word»*. [online] [cit. 07.02.2013] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/slovo/>

VII. АМЕРИКАНСКИЕ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ

В этой части мы хотели бы представить краткие портреты самых известных на сегодняшний день нью-йоркских друзей и коллег Сергея Довлатова. С некоторыми из них его связывала тесная дружба, с некоторыми – деловые отношения, но все они в какой-то мере поучаствовали в эмигрантской судьбе писателя и в его «жизни после смерти».

Иосиф Бродский (1940-1996)¹

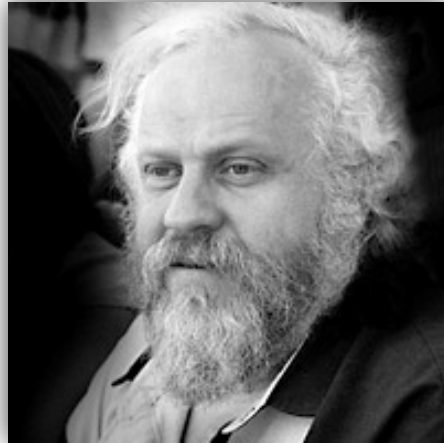
Иосиф Бродский, Нобелевский лауреат 1987 года, безусловно, – самый именитый друг Довлатова. Его жизнь и творчество – предметы исследования многих работ. Дружбой с ним Довлатов дорожил. Бродский был и одним из первых критиков Довлатова. Ранее мы говорили о том, что именно Бродский помог Довлатову с переводами его книг на английский язык. «Своими первыми публикациями Довлатов обязан именно Бродскому, он всячески старался продвигать Сережины рассказы. Бродский часто бывал у Довлатовых, а они заходили в нему или шли вместе гулять. И все-таки у Бродского был совершенно другой круг общения, недоступный Довлатову, – это была элита литературного Нью-Йорка».² После смерти Довлатова Бродский написал очень теплую статью о нем.³

---

¹ Источник фотографии: http://userserve-ak.last.fm/serve/_/18669293/brodsky_11.jpg

² КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 385.

³ БРОДСКИЙ, И. 1992. *О Сергее Довлатове*. [online] [cit. 03.12.2012] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/brodsky.html>

Петр Вайль (1949-2009)¹

Петр Вайль входил в самый близкий круг общения Сергея Довлатова. Они вместе работали в редакциях «Нового американца» и «Радио Свобода».

Петр Вайль был и близким другом Александра Гениса. Оба они родились в Риге, а затем эмигрировали в США. В соавторстве с Генисом было написано несколько книг («Русская кухня в изгнании», «60-е: мир советского человека», «Родная речь» и др.). Довлатов в шутку называл их «Ильфом и Петровым». Перу Вайля также принадлежат книги «Гений места», «Карта родины», «Иосиф Бродский: труды и дни» (совместно с Л. Лосевым). В конце 80-х руководил нью-йоркским бюро «Радио Свобода». В 90-е переехал в Прагу.²

---

¹ Источник фотографии: <http://www.litkarta.ru/images/doc/c2471-vail200.jpg>

² Петр Вайль.[online] [cit. 11.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/author/410.html>

Александр Генис (1953)¹

Александр Генис, уроженец Риги, – пожалуй, самый верный «хранитель» памяти Довлатова. Он же и главный эксперт по жизни и творчеству писателя. Его перу принадлежит самая удачная книга о Довлатове в жанре филологического романа «Довлатов и окрестности». Генис, как и Вайль, работал вместе с Довлатовым в «Новом Американце» и на «Радио Свобода».

Генис – страстный любитель литературы, искусства и путешествий. На его счету огромное множество литературно-критических работ, работ об искусстве и путевых заметок («Американская азбука», «Вавилонская башня», «Трикотаж», «Фантики»). Стиль Гениса легок для восприятия. Вряд ли о литературе кто-то пишет так понятно и с такой любовью.

---

¹ Источник фотографии: <http://magazines.russ.ru/pictures/magazine/nm/novmir/Genis2.jpg>

Игорь Ефимов (1937)¹

Пути Довлатова и Ефимова пересеклись еще в Ленинграде 60-х годов, когда оба они входили в неформальное литературное объединение «Горожане». С тех они постоянно поддерживали отношения. В эмиграцию Ефимов уехал в 1978 году. После отъезда стало известно, что его перу принадлежат распространявшиеся в самиздате философские труды «Практическая метафизика» и «Метаполитика». Оказавшись в эмиграции, Ефимов сразу же устроился на работу в издательство «Ардис». В 1981 году он основал издательство «Эрмитаж», среди заслуг которого публикация главных произведений Довлатова: «Зона», «Заповедник», «Чемодан». Переписка Довлатова и Ефимова стала поводом для грандиозного скандала, вспыхнувшего уже после смерти первого. В письмах Довлатов предстал циником и мизантропом, что могло не лучшим* образом сказаться на его посмертной репутации.

Его перу принадлежит ряд романов («Как одна плоть» (1980), «Архивы Страшного суда» (1982), «Седьмая жена» (1990), «Не мир, но меч» (1996), «Суд да дело» (2001) и «Новгородский толмач» (2003)), философские труды и даже исследование об убийстве Джона Кеннеди.²

---

¹ Источник фотографии: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer3/Efimov1.jpg>

² Сайт Игоря Ефимова. Биография. <http://igor-efimov.com/biography.html>

Нина Аловерт (1935)¹

Нина Аловерт, ныне известный театральный критик и фотограф, познакомилась с Довлатовым в 1979 году на одной из эмигрантских встреч.² Впоследствии Аловерт вошла в редакцию «Нового Американца», где она отвечала за театральную критику и фотографии.

«Приехав в Америку, я решила, что раз я держу фотоаппарат в руках, нужно оставить достоверное свидетельство о таком удивительном явлении, как русское зарубежье. Когда-нибудь насильственно разъятая на части русская культура будет рассматриваться как единое целое. Тогда мне и в голову не могло прийти, что это случится так скоро, и мои снимки понадобятся в России еще при моей жизни».³

Перед смертью Довлатов отобрал несколько своих фотографий, которые он посчитал наиболее удачными и которые разрешалось использовать в оформлении его будущих публикаций. Большинство из них сделано Ниной Аловерт.

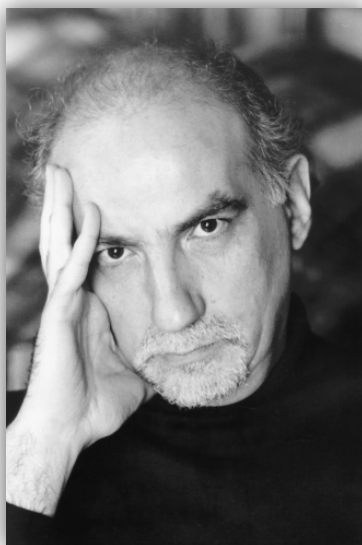
---

¹ Источник фотографии: <http://photopolygon.com/photo/fit/6516/23392/147630.jpg>.700

² КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 356.

³ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 357-358.

Соломон Волков (1944)¹

Коллега Довлатова, Вайля и Гениса по «Радио Свобода», музыковед, литературный критик и писатель. Его перу принадлежит книга «Свидетельство» (Testimony), представляющая собой якобы воспоминания Дмитрия Шостаковича, собранные и отредактированные Волковым. В 80-е годы книга вызвала большую шумиху в Советском Союзе. Волкова обвиняли в фальсификации, с протестом выступил и сын Шостаковича, Максим.²

Другой известной книгой Волкова стали «Диалоги с Иосифом Бродским», представляющие большое значение для изучения жизни и творчества поэта.

У Волкова можно найти интересные наблюдения и о Довлатове: «Если бы мы сейчас взялись составлять антологии русской литературы XX века, то Довлатов участвовал бы по меньшей мере в четырех. Первая – антология русского рассказа с условным названием «От Чехова до Сорокина». При ее составлении никто не обойдет Довлатова. Вторая – антология русской юмористики XX века. Мое для нее название «От Аверченко до Жванецкого». Третья – петербургская проза XX века. И четвертая – эмигрантская литература XX века. Тот факт, что при мало-мальски объективном

---

¹ Источник фотографии: <http://photopolygon.com/photo/fit/6516/23392/147630.jpg>.700

² ВОЛКОВ, С. *Свидетельство*. [online] [cit. 03.02.2013] Dostupné na internete: <http://testimony-rus.narod.ru/>

подходе Довлатову обеспечено место в этих четырех антологиях, свидетельствует о том, что свою законную нишу в русской литературе он себе завоевал».¹

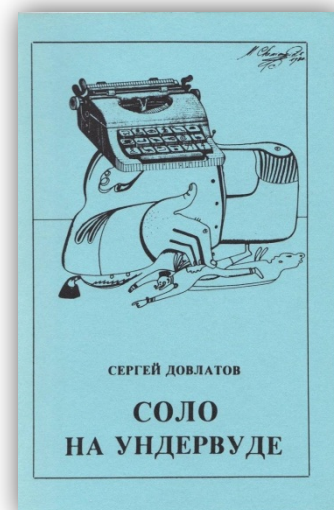
Михаил Шемякин (1943)²

Шемякин – один из самых известных в мире русских скульпторов и художников. Его скульптуры украшают набережные и улицы Нью-Йорка, Санкт-Петербурга и Москвы.

В 1971 году Шемякина выслали из СССР. Сначала он жил в Париже, а с 1981 по 1989 годы – в Нью-Йорке.

С Довлатовым Шемякина, помимо места проживания, связывали и творческие моменты. Он, например, сделал оформление для довлатовского сборника «Соло на ундервуде». У Довлатова же имеется небольшая статья о Шемякине под названием «Верхом на улитке»:

«Лично я воспринимаю успех Михаила Шемякина на Западе как персональное оскорбление. Его успех оглушителен до зависти, мести и полного твоего неверия в себя. Молодой, знаменитый, богатый, талантливый, умный, красивый и честный... Можно такое пережить без конвульсий? Не думаю... Я не специалист и не

¹ ВОЛКОВ, С. – ЧАЙКОВСКАЯ, И. 2011. К 70-летию СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА. Американский Довлатов. Беседа Ирины Чайковской с Соломоном Волковым. In: *Звезда*, №9, 2011. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/9/do13.html>

² Источник фотографии: <http://photopolygon.com/photo/fit/6516/23392/147630.jpg>.700

буду оценивать живопись Шемякина (тем более что ее уже оценили. Небольшая картина продана за 90 000 долларов). Меня, откровенно говоря, волнует не живопись Шемякина, а его судьба. <...> Я часто думаю, откуда такие берутся?! Эти голодные недоучившиеся российские мальчики?! С невероятными философскими реформами?! С гениальными картинами?! С романами вроде «Москва—Петушки»?! Кто их создает? Я знаю – кто. Советская власть! Проклинаем ее, и не зря. А ведь создает же! Как это происходит? На голове у каждого художника лежит металлическая плита соцреализма. И давит многотонной тяжестью. Художник тоже напрягается, мужает. Кто-то, сломленный, падает. Кто-то превращается в атланта. Вот так. На голове у западного человека – сомbrero. А у нашего – плита... Бродского давили, давили, и что вышло? С Шемякиным такая же история...»¹

Фридрих Незнанский (1932-2013)²

Фридрих Незнанский, ставший еще в эмиграции главным эмигрантским автором детективных романов, работал с Довлатовым в «Новом Американце», где отвечал за юридическую секцию. По выражению Довлатова, благодаря грамотному маркетингу, романы Незнанского продавались «во всех гастрономах Нью-Йорка».³

---

¹ ДОВЛАТОВ, С. *Верхом на улитке*. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/verhom.html>

² Источник фотографии: <http://photopolygon.com/photo/fit/6516/23392/147630.jpg>.700

³ ДОВЛАТОВ, С. *Жизнь и мнения. Избранная переписка*. Санкт-Петербург : ООО «Журнал „Звезда“», 2011, 384 с. ISBN 978-5-7439-0156-2. С. 268.

Эмигрировал Незнанский в 1977 году, жил сначала в США, а затем в Германии. Сотрудничал и с другими эмигрантскими газетами, работал в издательстве «Посев». Его перу принадлежат детективные романы «Журналист для Брежнева» и «Красная площадь», написанные в соавторстве с Эдуардом Тополем. С середины 1980-х Незнанский писал самостоятельно. Наибольшую популярность получила его серия детективов о следователе Александре Турецком. Его романы, действие которых происходило в России, неизменно получали «завлекательные» названия: «Честный акционер», «Чисто астраханское убийство», «Восемь трупов под килем».¹ В России Незнанский стал известен также благодаря телевизионным экранизациям его произведений.

---

¹ НОВИКОВА, Л. Умер создатель «Марша Турецкого». In: *Известия*, 14.02.2013. [online] [cit. 22.02.2013] Dotupné na internete: <http://izvestia.ru/news/544966>

VIII. ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ

Довлатова не стало 24 августа 1990 года. Он умер в машине скорой помощи по дороге в больницу. Его смерть стала неожиданностью для всех, хотя, оглядываясь назад, многие его друзья и знакомые соглашались с тем, что в последний год жизни Довлатов переживал не лучшие времена. Многие говорили о затяжном творческом кризисе. Даже новости о том, что его произведения стали выходить на родине, что его цитируют в Москве и Ленинграде, не радовали его. «Слишком поздно!» – говорил писатель.¹

25 августа 1990 года газета «The New York Times» опубликовала статью-некролог, посвященную Довлатову: «Sergei Dovlatov, a leading Soviet emigre writer noted for the laconic irony and graceful irreverence of his stories about his homeland...».² Говорят, что Довлатов любил представлять, каким будет его некролог, думается, что этот некролог ему бы понравился.

Смерть Довлатова переживалась его близкими еще очень долго. В радиопередаче Александра Гениса на «Радио Свобода» 1995 года мы находим следующие слова о Довлатове:

«Сергей Довлатов умер пять лет назад. Казалось бы, это достаточный срок, чтобы затянулась прореха. Но что-то из этого ничего не выходит. Похоже, что эта смерть всегда будет ощущаться безвременной и потому трагичной. Сергей Довлатов в сознании читателей занял то же место, что Высоцкий и Венедикт Ерофеев. Это писатели, которые не успели сделать все, что могли, писатели, трагически рано ушедшие из жизни. И Сергей Довлатов, который несколько дней не дожил до своего 49 дня рождения, очень многого не успел и, в первую очередь, не успел вкусить той славы, которая пришла к нему очень поздно. Ведь писателем, в сущности, Сергей Довлатов стал в Америке.

По мрачной национальной традиции смерть писателя в России становится как бы катализатором для его славы. После смерти писатель сразу становится куда более знаменитым, чем при жизни, и это какая-то наша специфическая российская

---

¹ КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9. С. 425-433.

² СОНЕН, R. 1990. Obituaries. Sergei Dovlatov, 48, Soviet Emigre Who Wrote About His Homeland. In: *The New York Times*, August 25, 1990. [online] [cit. 11.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.nytimes.com/1990/08/25/obituaries/sergei-dovlatov-48-soviet-emigre-who-wrote-about-his-homeland.html?scp=1&sq=Dovlatov&st=nyt>

особенность. Я разговаривал как-то с американским редактором Довлатова в журнале «Нью-Йоркер», и она мне сказала, что на Западе не любят мертвых писателей. Писатель умер, появились другие писатели, это уже ушло, он уже как бы проиграл. Но в России слава начинается именно со смерти и, во всяком случае, смерть Довлатова стала той отправной точкой, с которой началась большая, грандиозная слава Сергея».¹

Генис здесь довольно точно обрисовал ситуацию с популярностью писателя в США и России. В радиопередаче «From Russia with Love» 2009 года, созданной в рамках аудио-версии журнала «The New Yorker», о Довлатове, чьи рассказы печатались в этом журнале, говорят как о «почти забытом авторе».² То есть налицо абсолютный контраст с Россией, где Довлатов стал по-настоящему «массовым писателем». В этой же передаче интересно проследить сравнения с англоязычной традицией автобиографической прозы. Ведущие рассуждают о том, что сейчас Довлатов мог бы стать звездой в связи с особым интересом к «мемуарной» литературе. В контексте американской литературы параллели проводятся с творчеством Джонатан Сафрана Фоера (Jonathan Safran Foer), Филипа Рота (Philip Roth) или даже Дэвида Седариса (David Sedaris).

Присутствие Довлатова в Америке стараются поддерживать его наследники. Сейчас этим занимается дочь Довлатова, Екатерина, занимающая пост руководителя Фонда Сергея Довлатова. Под эгидой этой организации в октябре-декабре 2012 года в Колумбийском университете проходила фотовыставка «Один на ринге», посвященная Довлатову. Много мероприятий (в США, в России, в Эстонии) было организовано и к 70-летию писателя.

О популярности Довлатова в России говорит хотя бы тот факт, что собрание его сочинений переиздавалось несколько раз, не говоря уже о множестве отдельных изданий. В настоящее время напечатано практически все, что Довлатов позволил напечатать в своем завещании.³ Сейчас в планах остаются только скрипты, которые Довлатов писал для «Радио Свобода».

На волне посмертной славы Довлатова появилось множество мемуарной литературы, посвященной ему. Практически каждый его друг или знакомый постарался «отчитаться» о своем опыте общения с писателем. С некоторыми изданиями был связан

---

¹ ТОЛСТОЙ, И. 2013. *Генис: к 60-летию*. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24898246.html>

² From Russia with Love. In: *The New Yorker*, July 13, 2009. [online] [cit. 10.02.2013] Dostupné na internete: http://www.newyorker.com/online/2009/07/13/090713on_audio_bezmozgis

³ **Довлатов строго запретил переиздавать его ранние или недоработанные произведения.**

ряд скандалов. Например, с публикацией переписки Довлатова и Игоря Ефимова «Сергей Довлатов. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым». Книга вызвала резкую реакцию со стороны наследников писателя, добившихся запрещения распространения книги. Также определенные сложности возникли и с публикацией книги о Довлатове из серии «Жизнь замечательных людей», написанной петербургским писателем Валерием Поповым. Наследники и друзья писателя расценили книгу как попытку «диффамации» писателя. На деле оказалось, что Попов написал книгу скорее о себе, чем о Довлатове.

О Довлатове регулярно выходят статьи в различных периодических изданиях, о нем снимаются фильмы. Самым новым стал документально-мультипликационный фильм «Написано Сергеем Довлатовым».¹

---

¹ Написано Сергеем Довлатовым. [online] [cit. 22.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.kinopoisk.ru/film/676214/>

NAMIESTO EPILÓGU

Tvorba Sergeja Dovatova je najčastejšie spomínaná v kontexte literatúry takzvanej Tretej vlny ruskej emigrácie. Ako povedal významný ruský literárny kritik Alexander Genis, „Dovlatov sa stal najadekvátnejším predstaviteľom Tretej vlny“.¹

TRI VLNY

Ruská emigrácia, ktorá ako prirodzený demografický jav existovala už dávno pred začiatkom 20. storočia, sa začala formovať ako **kultúrny** fenomén dominantne po októbrovej revolúcii roku 1917, po ktorej charakter sociálneho, politického a kultúrneho vývoja ruskej spoločnosti vyvolal jej okamžité rozdelenie na priaznivcov a odporcov týchto radikálnych zmien. Toto rozdelenie bolo relevantné počas celej doby existovania Sovietskeho zväzu, prejavujúc sa v špecifickom „rozvrstvení“ spoločnosti na „líce a rub“. „Líce“ v tomto prípade bol oficiálny život, oficiálne umenie, oficiálne úspechy Sovietskeho štátu. „Rub“ bol život „podzemia“, neoficiálne, disidentské umenie, politické anekdoty, dlhé rady a nedostatkový tovar. Extrémnou formou odmietnutia nového života sa stala emigrácia.

Tradične sa hovorí o troch „vlnách“ emigrácie zo ZSSR. **Prvá vlna** sa začala formovať v prvých porevolučných rokoch. V tomto období Rusko opustili skoro dva milióny ľudí. Veľký podiel emigrácie tvorila inteligencia: umelci, spisovatelia, filozofi a vedci. Vtedy Rusko opustili významní modernistickí básnici Konstantin Baľmont, Zinaida Gippiusová, Igor Severianin, Marina Cvetajevová, prozaici Ivan Bunin, Arkadij Averčenko, Alexander Kuprin, Alexej Remizov, Ivan Šmeľov, Mark Aldanov, filozofi Nikolaj Berďajev, Sergej Bulgakov, Nikolaj Losskij a veľa iných popredných predstaviteľov ruského kultúrneho diania. Prvá vlna emigrácie sa stala unikátnym javom. Jej predstaviteľom sa podarilo zachovať kultúru, jazyk a tradície predrevolučného Ruska a preniesť ich cez mnohé roky života „v exile“. Literatúra Prvej vlny vďaka svojej špecifickosti tvorí samostatný objekt výskumu veľkého počtu štúdií.

Druhá vlna emigrácie je úzko spojená s udalosťami Druhej svetovej vojny. K predstaviteľom tejto vlny patrili i odporcovia sovietskej vlády, ktorí vďaka vojne získali možnosť s ňou bojovať, vojnoví zajatci, ktorí sa rozhodli nevracať sa domov kvôli opodstatneným obavám o svoj život, ale aj mladí ľudia, ktorých Nemci „vyviezli“ ako lacnú pracovnú silu. V súčasnosti je ťažko odhadnúť celkový počet emigrantov Druhej vlny, keďže časť z nich bola po vojne donútená vrátiť sa domov, a to „vďaka“ snahám nielen ZSSR, ale aj

---

¹ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

západných štátov. Preto mnohí z tých, ktorí sa nechceli vrátiť do Sovietskeho zväzu, museli utajovať svoj pôvod. Druhá vlna emigrácie malá oveľa menej výraznú umeleckú zložku. Jej najvýznamnejšími predstaviteľmi boli básnici Ivan Jelagin, Dmitrij Klenovskij, Nikolaj Moršen a prozaik Leonid Rževskij.

Tretia vlna emigrácie sa od predchádzajúcich odlišovala tým, že ju tvorila generácia, ktorá sa narodila a bola vychovaná v prostredí ZSSR a vo väčšine prípadov nevidela v živote nič okrem sovietskej reality. Príčiny vzniku Tretej vlny spočívajú vo vývoji spoločnosti po konci obdobia takzvaného chruščovovského odmäku (polovica 50. – polovica 60. rokov). Zvýšenie nátlaku zo strany štátu a sprísnenie cenzúry mali za následok vznik disidentstva ako spôsobu prejavovania odporu voči proklamovaným sovietskym „pravdám“ a protestu proti existujúcemu režimu. Práve disidenti tvorili podstatnú časť emigrácie Tretej vlny. Treba tiež zdôrazniť aj etnický faktor vzniku tejto vlny emigrácie. V druhej polovici 60. rokov sa značne zhoršili vzťahy ZSSR a Izraela, čo vyvolalo aktivizáciu sionistických organizácií v ZSSR, predstavitelia ktorých začali bojovať za právo emigrovať do Izraelu. Na konci 60. – v prvej polovici 70. rokov zo ZSSR odchádzali väčšinou práve židovskí aktivisti, ktorí sa väčšinou ocitali v Izraeli. V druhej polovici 70. rokov a v 80. rokoch sa však začal proces ekonomickej emigrácie, a značná časť emigrantov židovskej národnosti dávala prednosť skôr západným krajinám a emigrovala do Západnej Európy a USA. Celkovo v období 70.-80. rokov 20. storočia zo ZSSR emigrovalo viac ako milión ľudí.

Z geografického hľadiska sa Tretia vlna rozdelila do troch centier: intelektuálna elita smerovala do Paríža, ostatní sa ocitli buď v USA alebo v Izraeli. Kultúrnu „základňu“ Tretej vlny tvorili predstavitelia necenzurovaného umenia, a to nielen spisovatelia, ale aj výtvarníci (Il'ja Kabakov, Michail Šemiakin). K tým najslávnejším literárnym menám patria mená prozaikov Alexandra Solženicyna, Vasilija Aksionova, Alexandra Siňavského, Juza Aleškovského, Georgija Vladimova, Vladimira Vojnoviča, Vladimira Maximova, Viktora Nekrasova, Sašu Sokolova, Jurija Mamlejeva, basníkov Josifa Brodského a Alexandra Galiča, a iných.

Ako **literárny** jav sa takzvaná Tretia vlna začala formovať po deportácii Aleksandra Solženicyna, autora *Jedného dňa Ivana Denisoviča* a nositeľa Nobelovej ceny za literatúru (1970), zo ZSSR v roku 1974. A. Solženicyn sa však od začiatku staval do opozície voči Tretej vlne emigrácie, snažil sa od nej dištancovať kvôli radikálne odlišným pohľadom na minulosť a potenciálny smer vývoja Ruska.

Najplodnejším obdobím pre ruskú literatúru Tretej vlny emigrácie boli 70. roky a prvá polovica 80. rokov. Diela exilových spisovateľov vtedy zásadným spôsobom vynikali na

pozadí oficiálnej sovietskej literatúry vďaka originalite, otvorenosti a odvážnosti. Za svoju prvotnú úlohu exiloví spisovatelia považovali potrebu vyjadriť neskreslený pohľad na život v sovietskom Rusku, pravdivo povedať o potláčaní ľudských práv a slobôd, ukázať „reálnu tvár“ sovietskeho režimu. Ale ako konštatuje A. Genis, „odpor proti sovietskej vláde bol jediným momentom, ktorý spájaj Tretiu vlnu“.¹ V duchu dlhodobej ruskej tradície sa i noví emigranti aktívne podieľali na časopiseckých polemikách, ktoré prebiehali tak v existujúcich exilových periodikách (napríklad, v Nemecku vychádzajúcom časopise *Grani* alebo v USA vychádzajúcich periodikách *Novyj žurnal* a *Novoje Russkoje Slovo*), ako aj v novozaložených časopisoch, z ktorých hlavným sa stal časopis Vladimira Maksimova *Kontinent*, založený v roku 1974 v Paríži.

Tretia vlna aktívne rozvíjala aj vydavateľskú činnosť, kompenzujúc tým nemožnosť publikácie diel „pravej“ ruskej literatúry vo vlasti, kde túto úlohu čiastočne naplňal len *samizdat*, ktorý šíril oficiálne „nepublikovateľné“ diela prostredníctvom prepísaných rukou alebo písacím strojom (prip. kopírovaných) výtlačkov. Nové vydavateľstva vznikali vo väčšine emigrantských centier: *Posev* (Nemecko), *Moskva-Ijerusalim* (Izrael), *Sintaksis* (Francúzsko), *Ermitaž* (USA). Obrovský význam nielen pre ruskú literatúru v emigrácii, ale aj pre celú ruskú kultúru zohrala činnosť amerického vydavateľstva *Ardis*, ktoré v roku 1971 založil americký slavista Carl R. Proffer spolu s manželkou Ellendeaou. Toto vydavateľstvo sa nachádzalo v meste Ann Arbor, známom predovšetkým ako sídlo Michiganskej univerzity (University of Michigan). Činnosť *Ardisu* zohrala dôležitú úlohu pre zlúčenie „roztrhutej“ ruskej literatúry. Vydavatelia sa snažili vrátiť čitateľom hodnotné diela ruskej literatúry prvej polovice 20. storočia (tzv. Strieborného veku), zakázané sovietskou cenzúrou, a zároveň vydávať anglické preklady relevantných diel. *Ardis* vrátil mená Zinaidy Gippiusovej, Veľmira Chlebnikova, Mariny Cvetajevovej, Osipa Mandelštama, Andreja Platonova, Isaaka Babel'a, Borisa Piľňaka a veľkého počtu iných. Rovnako dôležitým bol aj fakt, že *Ardis* aktívne publikoval diela súdobej ruskej literatúry: poéziu Josifa Brodského a Jurija Kublanovského, prózy Vasilija Aksionova, Juza Aleškovského, Sergeja Dovlatova, Igora Jefimova, Andreja Bitova, Sašu Sokolova a iných. Vďaka *Ardisu* sa (nielen) americká slavistika prestala vo svojich štúdiách orientovať na oficiálne sovietske učebnice, predstavujúce extrémne skreslený obraz ruskej literatúry.

Špecifickou črtou tvorby spisovateľov Tretej vlny, ktorá zároveň bola do istej miery aj ich „achillovou päťou“, bolo, že väčšina ich dôležitých diel bola napísaná ešte pred

---

¹ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

emigráciou, zatiaľ čo neskoršie diela sa väčšinou venovali sovietskej realite. „Pre väčšinu spisovateľov Tretej vlny sa samotná emigrácia nestala témou“.¹

RUSKÁ AMERIKA

Ruská diaspora v Amerike sa začala formovať dlho pred revolúciou roku 1917. Vtedy ju väčšinou tvorili robotníci a podnikatelia, menej umelecká inteligencia. Táto tendencia sa zachovala aj po revolúcii v podstate až do začiatku Tretej vlny emigrácie, s ktorou do USA prišla nová generácia rusky hovoriacich ľudí. Tento emigrantský prúd sa rozdelil do dvoch „smerov“: predstavitelia prvého, väčšinou vysokoškolsky vzdelaní ľudia, sa čo najrýchlejšie snažili začať kariéru v Amerike a integrovať do americkej spoločnosti, zatiaľ čo predstavitelia druhého (tiež početná skupina) sa usilovali vytvoriť vlastné sociálne prostredie, akoby izolované od zvyšnej časti Ameriky na spôsob akéhosi „geta“.

Ruská emigrácia v Amerike sa sústredila do niekoľkých veľkomiest (New York, Los Angeles, Boston a Chicago), z ktorých najväčšia komunita sa sformovala v New Yorku.

V 70. rokoch sa v USA ocitli viacerí významní spisovatelia: Alexander Solženicyn, Josif Brodskij, Saša Sokolov, Alexej Cvetkov, Lev Losev, Eduard Limonov, Piotr Vajľ, Alexander Genis a Sergej Dovlatov. V New Yorku medzi inými pôsobili už spomínaní J. Brodskij, E. Limonov, P. Vajľ, A. Genis a S. Dolvatov.

New York však začal hrať významnú úlohu pre ruské exilové prostredie už na začiatku 20. storočia. Práve tu skoro sto rokov (1910-2010) vychádzal denník **Novoje ruskoje slovo** (Nové ruské slovo). Noviny, ktoré mali na začiatku dosť provinčný charakter, sa postupne rozvíjali do svojím spôsobom mienkotvorného vydania, ktoré sa po Druhej svetovej vojne stalo najdôležitejším emigrantským denníkom. Dôležitú úlohu v novinách zohral ich dlhoročný hlavný redaktor Andrej Sedych, ktorý pôsobil na tejto pozícii takmer 20 rokov v 70.-80. rokoch. V New Yorku od roku 1942 vychádzal aj časopis **Novyj žurnal** (Nový časopis), medzi zakladateľmi ktorého bol aj spisovateľ Mark Aldanov. *Novyj žurnal* deklaroval principiálnu otvorenosť voči akýmkoľvek ideologickým a estetickým prúdom, okrem bolševických a národnosocialistických. Pred rozpadom ZSSR časopis publikoval diela predstaviteľov všetkých vln emigrácie (od Bunina po Brodského), v súčasnosti **Novyj žurnal** vychádza štyrikrát do týždňa a publikuje emigrantskú literatúru, ale aj diela viacerých v Rusku pôsobiacich autorov.

Počas rôznych období 20. storočia v New Yorku existovalo niekoľko vydavateľstiev, zameraných na ruskú exilovú literatúru: **Chekhov Publishing House of the East European**

---

¹ ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

Fund, Inc. (1952-1956), ktoré vydalo 178 kníh 129 autorov, vydavateľstvo **Tretja volna** (1980-1992), ktoré sa presťahovalo z Paríža a v katalógu má veľa titulov, dôležitých pre ruskú exilovú kultúru. Od roku 1985 v mestečku Tenafly, jednom z predmestí New Yorku, funguje vydavateľstvo **Ermitaž**, ktoré v roku 1981 založil leningradský spisovateľ Igor Jefimov. **Ermitaž** je vydavateľsky orientované na súdobú ruskú literatúru a v 80. rokoch v ňom vyšli diela V. Aksionova, M. Grišina, F. Gorenštejna, I. Gubermana, L. Loseva, P. Vajľa a A. Genisa. Veľmi dôležitú úlohu zohralo vydavateľstvo **Ermitaž** (a osobne Igor Jefimov) aj pre spisovateľskú kariéru Sergeja Dovlatova.

SERGEJ DOVLATOV A JEHO EMIGRÁCIA

Sergej Dovlatov sa narodil 3. septembra roku 1941 v arménsko-židovskej rodine. Jeho detstvo a mladosť sú úzko späté s kultúrnym prostredím Leningradu, kde budúci spisovateľ žil od roku 1944.

Dovlatovovskú generáciu charakterizujú ako generáciu, ktorá nestihla naplno využiť liberálne časy odmäku, ale zároveň nebola pripravená na nelegálnu existenciu počas obdobia brežnevovskej stagnácie. Počas štúdia na vysokej škole sa Dovlatov zoznámil s mnohými predstaviteľmi neoficiálneho umenia a mladými básnikmi (J. Rejnom, A. Najmanom a J. Brodským). Toto neoficiálne, „necenzurované“ prostredie čiastočne ovplyvnilo osud Dovlatova. Aj keď sa mladý spisovateľ snažil posielat' svoje poviedky všade, kde sa dalo, vo väčšine prípadov jeho snahám publikovať nikto nevyhovelo. Situácia sa začala zhoršovať po tom, ako sa Dovlatov na konci 60. rokov zúčastnil niekoľkých neformálnych stretnutí leningradských spisovateľov a umelcov, ktoré následne vypátrala tajná služba KGB. Dostať sa do Zväzu spisovateľov alebo akýchkoľvek iných oficiálnych spisovateľských organizácií Dovlatov už nemohol.

V rokoch 1972-75 S. Dovlatov žil v Tallinne, kde pracoval v republikových novinách *Sovetskaja Estonija*. V tomto období sa mu skoro podarilo vydať zborník krátkych próz, ktorý bol ale zhodou nepriaznivých okolností zakázaný estónskym KGB a nikdy nevyšiel. Po návrate do Leningradu pracoval v niekoľkých periodikách ako novinár. V roku 1976 pracoval vo veľkom Puškinovom múzeu v obci Michajlovskoje (Pskovská oblasť). V rokoch 1977-78 Dovlatovove diela začali vychádzať v zahraničí. Vydavateľstvo *Ardis* vydalo jeho knihu *Nevidimaja kniga*, časopisy *Kontinent* (Francúzsko) a *Vremia i my* (Izrael) zverejnili niekoľko jeho poviedok. Tieto okolnosti, doplnené emigráciou jeho manželky Jeleny a dcéry Jekateriny vo februári 1978, výrazne skomplikovali život Dovlatova v Leningrade. Dvakrát bol krátkodobo uväznený a vtedy mu nedvojzmyselne naznačili, že buď skončí vo väzení či na psychiatrii alebo odcestuje z krajiny. Dovlatov sa rozhodol pre druhé. 24. augusta 1978

Dovlatov spolu s matkou a foxteriérom Glašou odcestoval najprv do Viedne, kde strávil skoro polroka. Vo februári 1979 sa S. Dovlatov ocitol v New Yorku, kde sa znovu stretol s rodinou.

DOVLATOV V NEW YORKU. PRÓZA

Newyorský domov rodiny Dovlatovovcov sa nachádzal vo Forrest Hills – štvrti, ktorá patrí do mestskej časti Queens. Vtedy to bola štvrť s najväčším počtom rusky hovoriaceho obyvateľstva po známej „ruskej“ štvrti Brighton Beach.

Po príchode do New Yorku S. Dovlatov s pomocou viacerých kamarátov a známych začal aktívne riešiť svoj literárny osud. Od roku 1980 pravidelne, skoro každý rok vychádzali jeho diela, ktoré hneď upútali pozornosť čitateľov najmä svojím na prvý pohľad jednoduchým štýlom. Ukázalo sa, že jeho próza najviac zodpovedala duchu emigrantského prostredia. Dovlatov pracoval s témami, s ktorými pracovali aj iní autori: život v sovietskych táboroch, cenzúra, pokrytectvo režimu, život bohémy, dvojitý život sovietskej inteligencie, alkohol a amorálne správanie a iné „nepekne“ stránky sovietskeho života. Ale dosť rýchlo sa ukázala osobitosť dovlatovovského vnímania týchto tém, lebo prozaik písal tak, aby nikoho nepoučal, jeho próza bola zbavená akejkolvek dogmatickosti a zároveň idealizácie. Nebola tam ani jedna postava, o ktorej by sa dalo povedať, že je absolútne kladná (výnimkou boli asi iba zvieratá). Dovlatovovský humor oslovil čitateľa, ktorý hľadal neskreslený a úprimný pohľad na sovietsku a emigrantskú realitu. O sebe S. Dovlatov hovoril, že je viac rozprávač, ako spisovateľ. Jeho próza je väčšinou silno autobiografická a príbehy boli často naozaj „prežitie“.

Nevidimaja kniga (Neviditeľná kniha), ktorá vyšla vo vydavateľstve *Ardis* v roku 1977, ešte pred tým, ako Dovlatov emigroval, získala status prvej knižnej publikácie Dovlatova vôbec. Je to koncentrovaný príbeh o „predemigrantskom“ živote Dovlatova, od narodenia až po emigráciu. *Neviditeľná kniha* zahŕňa niekoľko sujetových „zárodkov“, ktoré spisovateľ rozvíjal vo svojich neskorších dielach. Dovlatov považoval túto knihu za „spoveď literárneho smoliara“. Prechádzajúc celou reťazou udalostí života hlavnej postavy, čitateľ spolu s nim naráža na betónové múry sovietskej cenzúry a absurdnosť byrokratického systému. Dielo je presiaknuté atmosférou zúfalstva z nemožnosti realizovať sa v tom, čo hlavná postava považuje za svoje nadanie – v literatúre. Knihu charakterizuje aj experimentovanie na úrovni formy a kompozície: základný text stále prerušujú malé, skoro anekdotické príbehy, ktoré pochádzajú z Dovlatovových „zápisníkov“ s názvom *Solo na undervude* (Sólo na Underwood).

Kompromiss (Kompromis) vyšiel v newyorskom vydavateľstve *Serebrianyj vek* v roku 1981. Príznačné je, že poviedky, ktoré tvoria obsah tohto zborníku, Dovlatov začal

písať ešte v polovici 70. rokov. Tematicky a topograficky obsah poviedok patrí k tallinskému obdobiu biografie Dovatova a je to akési zúročenie jeho skúseností z práce vo vtedy hlavných estónskych straníckych novinách *Sovetskaja Estonija*. Kompozičné riešenie zborníka vychádza z princípu odhalenia „pravdy“: každá poviedka má predslov, uvedený kurzívou, obsahom ktorého sú citácie (ozajstné a vymyslené) z rôznych článkov, ktorých autorom je hlavná postava – novinár Dovatov. Poviedka má za úlohu dekonštruovať novinovú „pravdu“, ukázať „rub“ ideologicky správnych príbehov. Dovatov ponúka čitateľom dvanásť „kompromisov“ - príbehov, občas smiešnych, občas smutných, ale najčastejšie presiaknutých vnímaním absurdity života. Nachádzame tu príbehy o dojičke, ktorá píše list Brežnevovi, ale dostáva odpoveď ešte pred tým, ako je ten list dopísaný; o pohrebe riaditeľa televízie, namiesto ktorého sa v rakve ocitol niekto úplne iný, ale nikto z „kolegov, príbuzných a kamarátov“ to nedal najavo; o 400. tisícom obyvateľovi Tallinnu, ktorého kandidátúra musela prejsť schválením ohľadom jeho nežidovského a nečernoškého pôvodu atď. Dovatov sa však nestavia do pozície sudcu, je dosť skeptický aj voči sebe samému, priznáva aj svoje pokrytectvo, stály vnútorný „kompromis“.

Zona. Zapiski nadziratel'a (Zóna. Dozorcove zápisníky) vyšla vo vydavateľstve Igora Jefimova *Ermitaž* v roku 1982. V rukopisnej podobe toto dielo existovalo, podľa slov autora, už v roku 1964. Avšak celý čas sa dielo menilo a jeho publikovaná podoba vznikla až v roku 1987, keď autor do zborníku pripojil poviedku *Predstavlenije* (Predstavenie). Proces vydania *Zony* sprevádzala komunikácia Dovatova a Jefimova, čo sa odrazilo aj vo formálnej stránke vydania: nachádzame v ňom, ako pred tým v *Neviditeľnej knihe* a v *Kompromise*, dve úrovne textu. Prvá úroveň – poviedky, ktorých dej sa odohráva v jednom zo severných pracovných táborov v 60. a 70. rokoch; druhá úroveň – listy autora vydavateľovi, písane už v emigrácii a predstavujúce určitý druh autorského komentáru. Vďaka premyslenej kompozícii *Zóna* presahuje predstavu o zborníku poviedok a vníma sa skôr ako celistvé dielo. Pre *Zónu* je charakteristické vnímanie tábora ako jednej z možností presvedčiť sa o ambivalentnom charaktere ľudského svetu. Podľa Solženicyna tábor je peklo, podľa Dovatova, však, peklom sú ľudia. Hlavná postava, znovu autobiografická, Boris Alichanov – je dozorca, ktorý pozerá na svet väzňov z vonkajšej strany mreží. Zisťuje však, že svet dozorcov a svet väzňov nie sú až tak odlišné: všetci rozprávajú osobitným, slangovým jazykom, spievajú tie isté sentimentálne piesne, tak isto trpia chladom a nedostatkom jedlá a sú v podstate navzájom zameniteľní. Pričom, podľa Dovatova, táborový svet je v podstate presným modelom sovietskeho štátu. Spisovateľ sa nesnaží moralizovať a kritizovať, sústreďuje sa skôr na príbehy a osudy konkrétnych postáv.

Zapovednik (Rezervácia, vydavateľstvo *Ermitaž*, 1983) na rozdiel od predchádzajúcich diel nie je zborníkom poviedok, ale skôr novelou s jednotným sujetom. Tematicky *Rezervácia* patrí k obdobiu, keď Dovlatov pracoval ako sprievodca v najväčšom a najdôležitejšom Puškinovom múzeu (takzvaná Puškinova rezervácia – *Puškinskij zapovednik*). Mnohí považujú toto dielo za najlepšie dielo Dovlatova. Možno práve preto, že práve v ňom sa najviac prejavilo autorovo tragikomické vnímanie absurdity reality, ktorá ho obklopovala. Je to bezpochyby najpesimistickejšie a emotívne vypäté dielo, ktorému ale nechýba známy dovlatovovský humor. Konceptia *Rezervácie* pripomína čitateľovi *Kompromis*: charakteristickým motívom je znovu motív iluzórnosti, falošnosti „oficiálnej“ skutočnosti. Len v tomto prípade sa realizuje bez použitia viacvrstvovej kompozície. Riaditeľ a pracovníci múzea spolu s turistami vytvárajú „kult osobnosti“ Puškina, pre upevnenie ktorého sa ide proti historickej a ľudskej pravde. Ukazuje sa, že múzejný Puškinov svet je vlastne atrapa, Puškinovo múzeum sa stalo ďalšou „sovietskou“ inštitúciou. Protagonista, Boris Alichanov, síce vníma túto falošnosť, ale postaviť sa proti nej nemôže a akceptuje ju, tak isto sa podieľa na tvorení mýtov a hrá „podľa pravidiel“. Osobitnú líniu v diele tvorí rodinná dráma Alichanova, ktorá končí emigráciou jeho manželky a dcéry, skoro fantazmagorickou pijatikou, rozhovormi s dôstojníkom KGB a úvahami o emigrácii. V *Rezervácii* Dovlatov vytvára galériu postáv, z ktorých každá na spôsob kameňov v japonskej záhrade (A. Genis) spoluvytvára kompozičnú a sujetovú celistvosť diela.

Zborník *Naši* (Naši, *Ardis*, 1983) je koncipovaný ako „rodinný album v próze“. Dovlatov charakterizoval zborník ako „dejiny rodiny + politika, vojna, štát a trochu filozofie života“. V trinástich kapitolách *Našich* Dovlatov reprodukuje svoj genealogický strom. Začína pradedami, o ktorých rozpráva v duchu a s pátosom epických skladieb minulosti. Postupne sa však postavy „zmenšujú“, sú bližšie, ich prednosti a nedostatky sa stávajú ľudskejší a reálnejší, ich problémy sú zrozumiteľnejšie a činy sú občas absurdnejšie. Dovlatov umelecky prepracúva osudy strýkov, tety a jej manžela, matky, otca, brata, ženy a dokonca foxteriéra Glaše, ktorá je „jediným normálnym členom rodiny“. Pomocou príbehov o príbuzných Dovlatov určitým spôsobom hovorí aj o sebe, snaží sa pochopiť svoj pôvod a spisovateľský osud. V *Našich*, na rozdiel od *Zóny* alebo *Kompromisu*, je Dovlatov „pokojnejší“ a dokonca aj sentimentálny.

Pre zborník *Čemodan* (Kufor, *Ermitaž*, 1986) je znovu charakteristický zjednocujúci kompozičný motív. V tomto prípade je to „príbeh vecí“, ktoré sa umiestnili do jedného kufra, s ktorým protagonista Dovlatov musel opustiť vlasť. Každá vec evokuje spomienky, osobné emócie, ktoré tvoria sujet poviedok. Za predslovom, ktorý vysvetľuje koncepciu zborníka,

nasledujú poviedky o fínskych ponožkách, o úradníkových topánkach, o obleku, o vojenskom opasku, o bunde maliara Fernanda Légera, o košeli, o čiapke a šoférskych rukaviciach. Nie je ťažko si všimnúť, že tieto veci tvoria kompletnú „garderóbu“ človeka, Dovlatov akoby zbiera svoje „prozaické telo“, zviditeľňuje ho. *Čemodan* je zborník, pre ktorý je príznačná atmosféra zhodnotenia spisovateľského osudu, bol to posledný zborník, ktorého obsah tvorili výlučne sovietske skúsenosti autora. V jednotlivých poviedkach Dovlatov pracuje na niekoľkých úrovniach: všeobecno-historickej (stále odkazy na reálie a udalosti sovietskej doby), osobno-historickej (spomienky na hlavné udalosti života v kontexte epochy), intímnej (pocity, emócie, prežívania) a „univerzálno-ludskej“. Dovlatovov „kufor“ sa tak stáva akýmsi symbolom emigrácie, symbolom opustenia vlasti, stálou pripomienkou minulosti.

Inostranka (Cudzinka, New York, 1986) a *Filial* (Filiálka, Leningrad, 1989) patria k „najamerickejšími“ dielam Dovlatova. V *Cudzinke* Dovlatov zobrazil emigrantské prostredie New Yorku, jeho každodenné problémy a potreby, a vytvoril galériu „čudáckych“ postáv. Príznačným je fakt, že Dovlatov prvýkrát vo svojej emigrantskej tvorbe neumiestnil sám seba do pozície protagonistu, lebo ním je emigrantka Marusia Tatarovič. Marusia sa ocitla v emigrácii náhodou, nebola ani židovka, ani disidentka, dokonca bola dcérou dôležitého sovietskeho úradníka. Spôsob jej života vyvoláva pohoršenie v emigrantskom prostredí, najmä pre jej vzťah s latinskoamerickým socialistom a jej komunikáciu so sovietskym veľvyslanectvom. V určitom momente sa Marusia stretáva s Dovlatovom. Toto stretnutie svojím spôsobom obnovuje pre Dovlatova prirodzený charakter vývoja sujetu. *Cudzinka* je tradične považovaná za „nepodarené“ dielo, kriticky sa k nemu postavil aj Dovlatov. Je dosť možné, že to spôsobil prechod od dokumentárno-autobiografického rozprávania ku klasickej umeleckej fikcii, ktorý čitateľovi bolo ťažko akceptovať a spisovateľovi – realizovať. *Filiálka* udržiava relatívnu rovnováhu medzi americkým a ruským materiálom. Aj keď americká časť knihy je založená na živote ruskej emigrácie, bolo to prvé dielo, ktorého autentický text vyšiel skôr v ZSSR, ako v Amerike. V knihe Dovlatov rozvíja dve sujetové línie: pracovnú cestu hlavnej postavy na konferenciu o ruskej emigrácii, na ktorú ho poslala redakcia Rádia Sloboda, a náhodné stretnutie protagonistu Dalmatova s prvou manželkou. Hovoriac o prvej z týchto línií Dovlatov nemieni idealizovať emigrantské prostredie, ale skôr ukazuje rozporuplné diskusie, pretrvávajúci sovietskeho ducha vo vedomí viacerých emigrantov a len jemnú hranicu medzi „komunistami“ a „antikomunistami“. Ako protiklad k tejto téme vystupuje retrospektívny plán sujetu, ktorý nás vracia do leningradských čias. Dalmatov rozpráva o zložitých vzťahoch s prvou láskou, Tasiou, o utrpeniach, odôvodnenej a neodôvodnenej žiarlivosti, hádkach a rozlúčení. *Filiálka* je, na jednej strane, akousi pomstou

literárnemu prostrediu a prvej láske, ale, na druhej strane, je to kniha o absurdite vecí, ktoré sa dejú dookola, o stretnutiach a rozlúčeníach, o láske a ľahostajnosti. Je to aj najsentimentálnejšia kniha S. Dovlatova a zároveň jeho posledné „veľké“ dielo.

Diela S. Dovlatova sa dosť rýchlo začali šíriť aj v prekladoch. Vďaka J. Brodskému sa Dovlatov zoznámil so svojou prvou prekladateľkou Anne Frydman, ktorú následne zaradil medzi spoluautorov. Desať Dovlatovových poviedok uverejnil prestížny časopis *The New Yorker*. Po anglicky vyšli *Kompromis* (The Compromise, Anne Frydman, 1990), *Zóna* (The Zone, Anne Frydman, 1984), *Naši* (Ours: a Russian Family Album, Anne Frydman, 1989), *Kufor* (The Suitcase, Antonina W. Bouis, 1990) a *Cudzinka* (A Foreign Woman, Antonina W. Bouis, 1991).

DOVLATOV V NEW YORKU. ŽURNALISTIKA

Počas svojho emigrantského života S. Dovlatov spájal literárnu prácu s prácou novinára. Hneď po príchode do USA sa snažil dostať do novín *Novoje ruskoe slovo*, kde vtedy pracovala jeho manželka Jelena. Pomerne skoro si však Dovlatov a niekoľko jeho známych uvedomili, že štýl a jazyk novín, tak ako ich presadzoval vedúci redaktor Andrej Sedych, už zastarali a nezodpovedali potrebám novej emigrácie. Preto sa Boris Metter, Alexej Orlov, Jevgenij Rubín a Sergej Dovlatov rozhodli založiť vlastné noviny, ktorým dali názov *Novyj Amerikanec*. Prvé číslo vyšlo 8. februára 1980. Počnúc 13. číslom Dovlatov zaujal miesto hlavného redaktora. V tom istom čase sa do redakcie dostali aj Piotr Vajl, Alexander Genis, Fridrich Neznanskij a ďalší. Noviny dosť rýchlo získali čitateľov, lebo predstavovali periodikum, ktoré s nimi hovorilo ich jazykom. Dovlatovove stĺpčky sa stali jednou z osobitností novín, jeho dôvernosť a otvorenosť vždy oslovovali čitateľov. Neskôršie tieto stĺpčky vyšli aj ako samostatná kniha pod názvom *Marš odinokich* (Marš osamelých). Dovlatov pracoval v novinách do roku 1981. Počas tohto obdobia sa *Novyj amerikanec* stihol „pohádať“ s *Novým ruským slovom*, a to za aktívnej účasti obidvoch hlavných redaktorov.

Odchod Dovlatova z novín prebiehal v atmosfére stálych hádok, vzájomných krívd a zákulisných intríg. Bez jeho účasti *Novyj amerikanec* vychádzal do roku 1983. Svoju verziu toho, čo sa stalo s novinami, Dovlatov prerozprával v druhej časti zborníka *Remeslo* pod názvom *Nevidimaja gazeta* (Neviditeľné noviny).

Celé „newyorské obdobie“ Dovlatova bolo spojené aj s prácou v legendárnom *Radio Liberty* (Rádiu Sloboda). V rozhlase Dovlatov pracoval dlho a vďaka tomu sa jeho popularita rozšírila. Túto prácu spisovateľ nevnímal „seriózne“, svoje texty považoval za „pokazené poviedky“, ale všetci bývalí kolegovia konštatovali, že bol vždy zodpovedný v tom, čo sa týkalo prípravy jeho materiálov.

Okrem toho, z iniciatívy Dovatova a za podpory J. Brodského bol v New Yorku založený časopis *Slovo-Word*, ktorý existuje aj v súčasnosti a publikuje diela známych majstrov pera (Dovlatov, Brodskij, Bitov, Rubina a iní), ako aj diela mladých, neznámych autorov.

DOVLATOV V NEW YORKU. KOLEGOVIA

Sergej Dovlatov počas života v emigrácii komunikoval s viacerými, dnes už renomovanými predstaviteľmi Tretej vlny emigrácie. Jeho blízkym priateľom bol nositeľ Nobelovej ceny **J. Brodskij**, ktorý Dovlatovovi pomáhal od začiatku emigrácie. Jeho kolegami a zároveň kamarátmi boli **P. Vail** a **A. Genis**, známi predovšetkým ako spoluautori kníh o ruskej literatúre a kultúre, o ruskej kuchyni a cestopisov. A. Genis je aj autorom jednej z najpresnejších kníh o Dovlatovovi *Dovlatov i okrestnosti* (Dovlatov a okolie). Je známa epištolárna komunikácia Dovatova a **I. Jefimova**, známeho leningradského spisovateľa a neskôršie zakladateľa vydavateľstva *Ermitaž*. Publikácia týchto listov vyvolala veľký škandál začiatkom 21. storočia, pretože z pohľadu rodiny Dovatovovcov listy obsahovali príliš osobné informácie, ktorých zverejnenie podľa nich predstavovalo pokús o „pokazenie“ Dovatovovho posmrtného renomé.

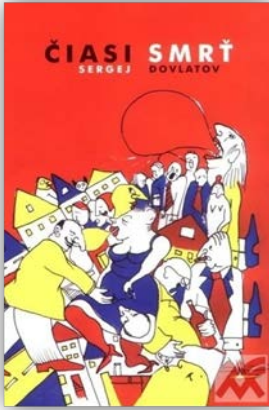
Počas práce v novinách *Novyj Amerikanec* a v rádiu *Sloboda* Dovlatov sa zoznámil aj s **N. Alover**t, významnou kritičkou umenia a fotografkou, **S. Volkovom**, autorom kníh o D. Šostakovičovi a J. Brodskom, **F. Neznanským**, ktorý sa preslávil ako autor detektívnych románov. Dovlatov poznal aj **M. Šemiakina**, svetovo známeho maliara a sochára, ktorý žil v New Yorku v rokoch 1981-1989 a bol autorom obrázkov na obálke Dovatovovej knihy *Solo na undervude* (Sólo na Underwood).

POSMRTNÉ OSUDY

Sergej Dovlatov zomrel 24. augusta 1990 v newyorskej sanitke.

Koncom 80. rokov jeho diela začali vychádzať v ZSSR, rástla tak jeho popularita aj vo vlasti. Avšak spomienky blízkych ľudí hovoria, že toto uznanie prišlo príliš neskoro, aby sa Dovlatov mohol z neho tešiť. Mnohí hovoria o pretrvávajúcej tvorivej a osobnej kríze v posledných rokoch života, ktoré zhoršili aj tak veľké problémy s alkoholom. Jeho smrť sa stala smutným prekvapením pre všetkých.

Po smrti sa začala veľká a naozajstná sláva S. Dovatova v Rusku, ale zároveň v Amerike naňho začali zabúdať. Dovlatov sa vrátil do vlasti tým spôsobom, o ktorom celý čas sníval – vďaka svojim knihám. Trojdielne a štvordielne výbery z jeho tvorby mali už niekoľko reedícií, nehovoriac o jednotlivých vydaniach jeho diel. V súčasnosti je zverejnené všetko, čo Dovlatov dovolil zverejniť v svojej poslednej vôli.

**Obálka slovenského vydania
výberu z Dovatovových próz
(2002)**

Na Slovensku sa tvorbu Sergeja Dovatova snaží popularizovať predovšetkým Valerij Kupka, ktorý spolu s Ivanou Kupkovou edične pripravil a preložil zatiaľ jediné knižné vydanie tvorby Dovatova, ktoré vyšlo pod názvom *Čias smrt'*.¹ Niekoľko Dovatovových poviedok vyšlo v Revue svetovej literatúry (napríklad, *Kufor* v roku 1990).

Posmrtná sláva Dovatova v Rusku presiahla očakávania mnohých, aj tých najoptimistickejších kolegov. Bohužiaľ, ostáva nám teraz len ľutovať, že spisovateľ si slávu, o ktorej vždy sníval, už nestihol užiť.

---

¹ DOVLATOV, S. *Čias smrt'*. Preložili Valerij Kupka a Ivana Kupková. Bratislava : Marenčin PT, 2002, 114 str. ISBN 8088912369.

ИСТОЧНИКИ

1. DOVLATOV, S. *Čiasí smrt'*. Bratislava : Marenčín PT, 2002, 114 str. ISBN 8088912369.
2. ДОВЛАТОВ, С. 1984. From USA with love. [online] [cit. 02.06.2012] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/withlove.html>
3. ДОВЛАТОВ, С. 1984. Будущее русской литературы в эмиграции. [online] [cit. 07.06.2012] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/budusch.html>
4. ДОВЛАТОВ, С. 1984. Памяти Карла Проффера. In: *Семь дней*, №48, 1984. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/pamyati.html>
5. ДОВЛАТОВ, С. 2008. *Встретились, поговорили*. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008, 528 с. ISBN 978-5-91181-416-8.
6. ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Т. 4. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2011. 481 с. ISBN 978-5-389-02259-1.
7. ДОВЛАТОВ, С. *Верхом на улитке*. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/verhom.html>
8. ДОВЛАТОВ, С. *Жизнь и мнения. Избранная переписка*. Санкт-Петербург : ООО «Журнал „Звезда“», 2011, 384 с. ISBN 978-5-7439-0156-2.

ЛИТЕРАТУРА

1. COHEN, R. 1990. Obituaries. Sergei Dovlatov, 48, Soviet Emigre Who Wrote About His Homeland. In: *The New York Times*, August 25, 1990. [online] [cit. 11.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.nytimes.com/1990/08/25/obituaries/sergei-dovlatov-48-soviet-emigre-who-wrote-about-his-homeland.html?scp=1&sq=Dovlatov&st=nyt>
2. From Russia with Love. In: *The New Yorker*, July 13, 2009. [online] [cit. 10.02.2013] Dostupné na internete: http://www.newyorker.com/online/2009/07/13/090713on_audio_bezmozgis
3. MATICH, O. – HEIM, M., ed. 1984 *THE THIRD WAVE: Russian Literature in Emigration*. Ann Arbor : Ardis, 1984, 304 p. ISBN 0-88233-782-3.
4. Special Collections Library. University of Michigan. Finding aid for Ardis Records, 1971-2002 [online] [cit. 18.01.2013] Dostupné na internete: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/f/findaid/findaid-idx?c=scllead;cc=scllead;view=text;rgn=main;didno=umich-scl-ardis>
5. АГЕНОСОВ, В. 1998. *Литература Русского зарубежья*. Москва : Terra. Sport, 1998, 548 с. ISBN 5-93127-002-7.
6. БРОДСКИЙ, И. 1992. *О Сергее Довлатове*. [online] [cit. 03.12.2012] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/brodsky.html>
7. ВОЛКОВ, С. – ЧАЙКОВСКАЯ, И. 2011. К 70-летию СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА. Американский Довлатов. Беседа Ирины Чайковской с Соломоном Волковым. In: *Звезда*, №9, 2011. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/9/do13.html>
8. ВОЛКОВ, С. *Свидетельство*. [online] [cit. 03.02.2013] Dostupné na internete: <http://testimony-rus.narod.ru/>
9. ГЕНИС, А. 1999. *Пушкин у Довлатова*. [online] [cit. 14.01.2013] Dostupné na internete: <http://www.sergeidovlatov.com/books/genis2.html>
10. ГЕНИС, А. 2006. *Сергей Довлатов на Радио Свобода*. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/article/263239.html>
11. ГЕНИС, А. 2010. Третья волна: Примерка свободы. In: *Звезда*, № 5, 2010. [online] [cit. 14.11.2012] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>
12. ГЕНИС, А. *Частный случай: филологическая проза*. Москва : АСТ : Астрель, 2009, 445 с. ISBN 978-5-17-058835-0.

13. Журнал «Слово-Word». [online] [cit. 07.02.2013] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/slovo/>
14. КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов*. Санкт-Петербург : Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9.
15. Курт Воннегут Сергею Довлатову. In: *Слово\Word*, №60, 2008. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/slovo/2008/60/vo3.html>
16. *Новый Журнал. Литературно-художественный журнал русского Зарубежья*. [online] [cit. 23.01.2013] Dostupné na internete: <http://magazines.russ.ru/nj/>
17. ОРЛОВА, А. – ШНЕЕРСОН, М. 2002. Блеск и нищета «Нового Американца». In: *Журнал вестник*, № 10-15, 2002. [online] [cit. 02.12.2012] Dostupné na internete: <http://www.vestnik.com/issues/2002/0515/koi/orlova.htm>
18. ПЕКУРОВСКАЯ, А. *Когда случилось петь С.Д. и мне*. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2001, 432 с. ISBN 5-89091-160-0.
19. ПОЛЯКОВ, Ю., ed. 2007. *История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941-2001 гг. Сборник статей*. Москва : Институт российской истории РАН, 2007, 294 с. ISBN 978-5-8055-0180-8.
20. ПОПОВ, В. 2010. *Довлатов*. Москва : Молодая гвардия, 2010, 355 с. ISBN 978-5-235-03408-2.
21. ПУШКАРЕВА, Н.Л. Возникновение и формирование русской диаспоры за рубежом. In: *Отечественная история*, № 1, 1996. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/origination/
22. СУХИХ, И. 2010. *Сергей Довлатов: время, место, судьба*. Санкт-Петербург : Азбука, 2010. 288 с. ISBN 978-5-389-01083-3.
23. ТОЛСТОЙ, И. 2009. «Новое Русское Слово» - конец легенды. [online] [cit. 14.01.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/transcript/1740312.html>
24. ТОЛСТОЙ, И. 2013. *Генис: к 60-летию*. [online] [cit. 14.02.2013] Dostupné na internete: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24898246.html>
25. ЭМИГРАЦИЯ. Четыре волны русской эмиграции в XX веке. In: *Газета «ЗАГРАНИЦА»*, № 02. [online] [cit. 03.06.2012] Dostupné na internete: <http://www.zagran.kiev.ua/article.php?new=438&idart=438166>
26. ЭНГЕЛЬ, В. *Евреи СССР в годы «застоя» (1967-1985 гг.)*. [online] [cit. 03.05.2012] Dostupné na internete: <http://jhist.org/russ/russ001-20.htm>